

Юлия Арвер

ДЕМОНЫ
ГОРОДА МАСОК

18+

КОГДА МРАК ВНУТРИ, В НЕГО НЕ СМОТРИ...

Young Adult. Наместница Вароссы

Юлия Арвер

Демоны города масок

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арвер Ю.

Демоны города масок / Ю. Арвер — «Эксмо», 2023 — (Young Adult. Наместница Вароссы)

ISBN 978-5-04-194979-2

Амаль — в прошлом властная и непоколебимая ведьма, владеющая личным отрядом сильнейших колдунов. Ныне же она потеряла власть над Вароссой и чуть не лишилась собственной магии. Бывшей наместнице больше некуда идти. Девушка вынуждена скрываться от брата Айдана, который убил ее людей. Помочь Амаль может только Тир Ак-Сарин — воевода Мирен, жаждущий жениться на ведьме и удержать трон. Амир отчаянно ищет Амаль и лелеет надежду увидеть ее живой. Он терзается чувством вины за то, что предал наместницу, но прошлого не исправить. По ее следу он направляется в Мирею. Но удастся ли ему заслужить долгожданное прощение? Нарамцы борются за свою независимость в империи, а возлюбленные жаждут справедливости. Но какая судьба уготовлена каждому из них в мире, объятном пламенем?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194979-2

© Арвер Ю., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1. Зеленое пепелище	6
Глава 2. Нелюди	17
Глава 3. Пламя под пятками	29
Глава 4. Вожак	45
Глава 5. Демоны и Беркуты	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Юлия Арвер

Демоны города масок

© Юлия Арвер, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Когда то́пи внутри, в них не смотри

Глава 1. Зеленое пепелище

Амир

Если кто-то в этом мире видел хоть одно посмешище глупее меня, то я лично поклонюсь ему в ноги. Какой навир стал бы прятаться в тени старой вишни, чтобы хоть одним глазом взглянуть на фигуру девушки, гордо шагающей по утоптанной дорожке? Я беззаботно прислонился спиной к стволу дерева и наверняка со стороны смотрелся уверенным и спокойным, но по телу тем временем ползали мурашки.

Позор всего корпуса навилов! Струсил перед девчонкой, чью магию надежно сковали браслетом тишины!

Амаль возненавидела меня всем своим nepостижимым сердцем. Стоило горькой правде показаться, словно дерьму из-под снега, и я для нее умер. Но разве это повод делать вид, будто мне плевать на ее судьбу? Пусть отныне моя участь лишь наблюдать со стороны, я, скрипя зубами, принял ее.

Амаль не приняла и не примет ни один из моих мотивов. Я подвел Тира и Лиру, но сумел спасти ее. Чтец тела рассказал, что в сознании наместницы мелькали воспоминания о девушке с двумя косами на висках, которая испепелила кадара, словно щепку в костре. Я знал, кто это. Знал, откуда она пришла. Значит, Маура с дружкой успели раньше и спасли Амаль. Из ее глаз, что чернее зимней ночи, не ушла жизнь. И это важнее моих дурацких чувств.

Реф закатил бы глаза, увидев, как я трепещу перед встречей с наместницей. Обозвал бы трусом и тупицей, убедил бы поговорить с Амаль и попросить прощения если не для себя, то для Тира. Но Рефа не было рядом, а я не решился вновь предстать перед ней. Жалкий вонючий ублюдок – вот кем стал я не только для нее, но и для самого себя.

Три бесконечных дня, казалось, вырвут мои жилы, разотрут в порошок кости и развеют по ветру каждую мысль о наместнице. Они тянулись бесконечным мельтешением людей и слов, и в этой невыносимой суете я мог думать лишь о том, как добиться освобождения Амаль. Но выяснилось, что веское слово Айдана куда убедительнее любых моих доводов. Новый воевода вступился за сестру, а не упрятал ее на рудники. И эта доброта, заключенная в браслете тишины, дурным предчувствием свербела под ребрами и выворачивала кости. Разве мог Айдан питать привязанность к сводной сестре?

Рыжеволосый парнишка-навир окликнул Амаль у самых ворот и, воровато осмотревшись по сторонам, вручил ей кинжал. Долго же мне пришлось упрашивать у Дана разрешения забрать его из хранилища. Этот клинок – частица того, что осталось наместнице от ее верного друга. Разве мог я позволить, чтобы у Амаль отобрали даже его?

Пусть ее отныне защищает хотя бы кама.

Амаль схватила ножны с кинжалом и воинственно сжала их в руке. Я не мог слышать, о чем они говорили, и не видел выражение ее лица, но в красках себе представил. Наверняка оно играло всеми оттенками презрения.

Я провожал тяжелым взглядом ее удаляющуюся фигуру, и сердце билось так часто, словно торопилось вырваться из клетки ребер и броситься следом.

Прости меня, Лира, я должен был любить тебя, но пропал в огне Амаль Кахир. Обещаю, я все исправлю, моя прелесть. Только бы никогда больше не видеть бывшую наместницу Варосских земель и всю жизнь смотреть лишь на тебя. Если Тир не прогонит меня после позорного провала, о котором я ему уже с тяжелым сердцем написал.

Я одернул мундир и, приосанившись, направился к воротам, чтобы расспросить парнишку-навира. Уверен, ничего хорошего он мне не расскажет, но удивить может. Завидев меня, парень приветливо кивнул и протараторил:

– Подпоручик, я выполнил вашу просьбу. – В его водянисто-зеленых глазах светилась жажда похвалы. Надо же, годы обучения в кадетском корпусе навиров не сумели вытравить детскую непосредственность.

– Скажи-ка... – Я замешкался, забыв его имя.

– Насон, – подсказал паренек.

– Точно, Насон. Скажи, что ответила Амаль Кахир?

– Ножу она обрадовалась. – Парнишка стыдливо отвел взгляд.

– Но... – подсказал я. В случае с Амаль это «но» было написано перед моим внутренним взором кровавыми буквами.

– Но велела передать, что вы своими руками отдали ей оружие, которое она всадит вам в глотку, если увидит снова.

Я хмыкнул, и губы сами собой расплылись в печальной усмешке. Почему за какой-то жалкий месяц грубость Амаль перестала казаться безобразной? Она все еще вызывала гнев, но теперь его неизменно сопровождало восхищение. Да, я восхищался силой духа наместницы и ненавидел себя за это.

– Угрожать навиру – вопиющая дерзость, – продолжил Насон. – Как считаете, нужно доложить командиру?

– Ни в коем случае, – встрепенулся я. – Ее слова не несут угрозы. Только бессильную злость.

Ложь. Мне и в голову не пришло сомневаться в Амаль. Она груба и вспыльчива, а уж после горестей, что свалились на нее за последние дни, наместница и вовсе утратила власть над гневом. Как сказал Реф, Амаль – олицетворение пламени. Если наши силы схлестнутся в поединке, кто выйдет из него победителем – загадка.

– Амаль Кахир опасна. Подпоручик, вы нездешний и наверняка не знаете, что о ней говорят... – не отступался Насон, но умолк, покорившись моему отрывистому жесту.

– Лучше бы тебе заняться делом, а не пересказывать сплетни, как тетки на базаре, – процедил я, тем самым отдав четкий приказ.

Насон с неодобрением покосился на меня, но спорить не посмел. Приказ старшего по званию – непреложный закон.

– Узнаю, что болтаешь о разговоре с Амаль Кахир, будешь наказан, – добавил я напоследок, наверняка заработав горячую неприязнь парнишки.

Тот склонил голову в коротком поклоне и зашагал к плацу, где как раз начиналось построение. Я, будучи служащим Адрамской роты, имел право в этом не участвовать и пользовался своим положением без зазрения совести.

Силуэт Амаль уже давно растворился в людском потоке. Я бездумно смотрел на мельтешащих горожан, размышляя, куда она пошла. Наместница могла направиться как к Зеленому особняку, так и к дому Октая. Кто же это такой, нечисть его поberi?

– А ты неплохо прячешься, – раздался в отдалении зычный мужской голос, и его отрывистые слова отозвались гулким эхом где-то под ребрами. Я знал, кто это.

Новый воевода приближался размашистым шагом. Он буквально лучился высокомерием. Первое лицо провинции сопровождала свита из двух крепких мужчин в алых одеждах. Лица их скрывали тканевые маски – совсем как у солдат наместницы. За плечами обоих реками крови развевались плащи.

Айдан успел облачиться в форму воеводы. На груди сверкал знак императора – корона с вензелем «Р», означающим императорский род Ратомир, а мундир подпоясывал белоснежный ремень с ножнами, в которых искрилась позолотой рукоять кинжала прежнего воеводы. Наверняка родовая вещица.

Нарамцы уже признали Айдана, несмотря на то что церемонию передачи правления еще не провели. На нее по давней и нерушимой традиции ждали самого императора. До этого дня Айдан не мог считаться полноправным воеводой. Впрочем, его огромное чувство собственного превосходства, для которого тесен не только Даир, но и весь Нарам, вряд ли интересовала эта маленькая оговорка. Для народа теперь власть Айдана нерушима. Он слишком значим для нарамцев, в отличие от той же Амаль, о жестокости которой слагали легенды, сплетая далекие и обрывочные сплетни в один колючий клубок. Когда-то этот клубок вынудил меня возненавидеть наместницу еще до встречи в Вароссе, а Тира – увериться в том, что ее разум затуманен жаждой власти.

Я терпеливо дождался, пока Айдан приблизится, прежде чем вежливо поинтересоваться:

– Позвольте узнать, от кого же я прятался?

– Думаю, от меня. Как маленький трусливый крысеныш. – На лице Айдана играла самодовольная усмешка. Из-под масок его прихвостни взирали на меня одинаково снисходительно. Что это за псы, смеющие *так* смотреть на навира?!

– Прошу меня простить, Айдан Кахир, но в последние дни я был слишком занят, чтобы выделять время на подобные забавы, – процедил я, добавив стали в голос. Навиры – не шавки, перед воеводами не пресмыкались.

Ужаленный моей дерзостью, Айдан нахмурился. Его потяжелевший взгляд пригвоздил бы меня к месту, если бы я хоть каплю уважал или боялся этого улюбка.

– Здешний командир увливает от моих вопросов о том, кто ты такой и что делал рядом с Амаль. Ему простительно, высокий чин, как-никак. А вот ты – другое дело. Отвечай немедленно, кто послал тебя к моей сестре?!

Айдан вздернул подбородок в попытке посмотреть на меня свысока, но наша разница в росте получилась столь незначительной, что я едва сдержал ухмылку.

– Тир Ак-Сарин слишком сильно волновался о безопасности Амаль Кахир. Он и послал меня в Вароссу, чтобы я защищал его невесту.

Айдан недоверчиво прищурился.

– От чего он хотел ее защитить?

– А вы считаете, что она была в безопасности? Так давайте вспомним о горном кадаре, убийствах и помешательстве вашего брата.

– Не лги мне, нафир! – рявкнул Айдан, заставив свою свиту заметно напрячься. – Ак-Сарин прислал прошение о браке уже после нападения кадара!

Я вновь усмехнулся, отчего маска величия нового воеводы покрылась сетью трещин, показывая миру помешанного на мести младшей сестре подонка.

– Неужели вы и вправду считаете, будто Тир Ак-Сарин пренебрег мнением Амаль Кахир? Он заручился ее согласием задолго до того, как обратился с прошением к ныне покойному воеводе.

– Тогда почему она напала на тебя? – процедил Айдан. Надо же, как просто получилось ввести в заблуждение выродка. – Ты проник к ней в дом обманом?

– Не совсем. Просто Амаль Кахир не знала, что я – навивр. Вам наверняка известно, насколько сильно она нас ненавидит *после случая с обыском*.

Кто-кто, а Айдан уж точно был осведомлен о происках собственной матери. Пораженный пугающим откровением наместницы, я долго беседовал с братьями, которые служили в Даирской роте больше десяти лет, и уверился, что она говорила правду. В их дом действительно ворвались с обыском навивры, один из которых за эти годы дослужился до заместителя командира. Почему-то я не сомневался, что Амаль угрожали особым кинжалом. Слишком глубокую и болезненную ненависть к навиврам она испытывала. К тому же некоторые из нас и вправду были падки на деньги.

– Ты врешь мне, подонок, – прорычал Айдан и, угрожающе шагнув навстречу, оказался со мной нос к носу. Я не отступил. Тьма внутри зашевелилась и заурчала, умоляя выпустить ее хотя бы на мгновение.

– Достопочтенный воевода, вы видите заговор там, где его нет. Тир Ак-Сарин заботится о своей невесте и оберегает ее. Кто-то же должен это делать, если собственная семья только мучает ее.

Айдан отшатнулся, словно от пощечины. На его лице, неуловимо напоминавшем лицо покойного воеводы, отражались ярость и изумление. Я сохранял невозмутимый вид, предчувствуя бурю.

И она непременно разразилась бы, не промаршируй мимо строй навивров. Уловив любопытные взгляды, воевода скривил рот в мерзкой ухмылке и устремился к воротам. Верная свита поспешила следом. По ту сторону каменного забора их ждали двое в алых одеждах. Они восседали на вороных жеребцах, а еще троих держали рядом для Айдана и его спутников.

– Чего хотел от тебя воевода? – раздался совсем рядом голос Дана. За глухим топотом я не различил звука приближающихся шагов.

– А что он мог от меня хотеть? Его очень интересует, откуда возле Амаль взялся навивр из Мирей.

– И что ты ответил?

– Полуправду.

– Судя по кислой роже воеводы, твоя полуправда встала ему поперек горла.

Я раздраженно пожал плечами, все еще провожая взглядом удаляющуюся кавалькаду во главе с Айданом. Успела ли Амаль уйти достаточно далеко, чтобы старший брат ее не догнал? Придется выяснить, где она, иначе ядовитые когти и клыки моей потрепанной совести не позволят спокойно вернуться домой.

– Ты уезжаешь завтра? – словно прочитав мои мысли, спросил Дан.

– Да. Я убедился, что она на свободе. Пора возвращаться на родину и исправлять то, что натворил здесь.

– Предлагаю вечером выпить. Знаю я тут один кабак неподалеку. Владелец – наш осведомитель. Вы в своей скучной Мирее таких заведений не видали.

Печально усмехнувшись, я покачал головой.

– Нет у меня никакого желания веселиться.

– А я прямо-таки чую, что тебе полезно хорошенько напиться. Твои щенячьи глаза при виде Амаль Кахир не заметит разве что слепой, – хмыкнул Дан. – Возражений не принимаю. В конце концов, одному Владыке известно, когда мы свидимся в следующий раз.

И я сдался. Когда жаркое солнце закатилось за горизонт, а на Даир опустилась бархатная осенняя мгла, мы остановились перед двухэтажным зданием из белого камня с гордым названием «Сокровища провинции». Что ж, у каждой провинции свои сокровища. Похоже, Нарам мог похвастаться только пойлом.

Трактир притаился на узкой улочке, неподалеку от рынка, который днем гудел развошенным ульем. С приходом темноты этот гомон сменялся шумом трактиров и постоянных домов. Все приличные кофейни, коими славился Даир, закрылись, уступив место питейным заведениям.

Здание трактира увивал плющ, возвращая мои мысли к Зеленому особняку. Днем я наведался к дому Мауры и невольно замер, пораженный мрачными воспоминаниями. Кто бы мог подумать, что призраки прошлых дней, когда тощий сын пекаря прибежал сюда с хлебом под мышкой, загребая пыль прохуdivшимися носами башмаков, безжалостно обрушатся на меня спустя столько лет! Я забыл, справился с собой и детскими обидами. Стал тем, кем мечтал стать, будучи обозленным на весь мир ребенком. Так почему же призрачная боль до сих пор зудела внутри?

Когда, скрытый сгущающимся полумраком, я наблюдал за Зеленым особняком, мимо прошли навьюченные покупками пара солдат из отряда наместницы. Наверняка бывшие сослуживцы возвращались с рынка. Они беззаботно исчезли за воротами, и особняк вновь замер. Лишь тонкая струйка дыма, выходящая над черепичной крышей, выдавала присутствие людей в некогда пустующем доме.

Отчаявшись увидеть Амаль, я позволил ногам увести себя по знакомым улочкам туда, куда стремился маленький Амир, все еще живший где-то внутри моего огрубевшего сердца. Если Даир и изменился за прошедшие пятнадцать лет, то перемены коснулись лишь шумного центра, но уж никак не забытых Владыкой окраин. Узкие улочки, на которых то и дело мельтешили горожане в разномастных костюмах, привели меня туда, где серость сменялась серостью. Не было в бедном квартале места ярким цветам и улыбкам, как не было его и в моих детских воспоминаниях.

Я брел по знакомым утоптаным дорожкам, что пришли на смену брусчатке. Эта часть Даира не таила в себе ни очарования, ни таинственности. Здесь давно поселились нищета и отчаяние. Старые покосившиеся домики, люди в темных одеждах, вонь от скота и бесконечно уставшие лица. Здешние жители дни напролет обрабатывали землю, трудились на мануфактурах и кузницах, пасли скот и таскали на рынок огромные тюки с выращенными овощами и фруктами, продавая все до последней морковки в надежде заработать на муку и крупы. Толпы детей в поношенных одеждах шатались по окрестностям, и невозможно было определить, кто из них беспризорник, а кто – нет. Когда-то и я прибил к одной из таких шаек.

За три месяца до того, как на пороге нашей хибары появились навиры, отец, напившись в очередной раз, обрушил на меня поток брани. Он вопил, какое же ничтожество уродилось из его семени, а мать трусливо горбилась в углу, зажимая уши четырехлетней Дании. Тогда я впервые осознанно применил на отце свой дар, заставив его подавиться словами и заткнуться. Подобного унижения он не вынес и велел убираться из дома. Уже у порога мать из жалости шепнула, чтобы я приходил втайне от отца. Гордость не позволила мне принять ни крошки у женщины, не сказавшей ни слова в защиту своей плоти и крови.

Тогда я и повстречал шайку мальчишек-беспризорников. Благодаря необычным способностям они радушно приняли меня в свои ряды. Так мы и скитались по улицам, воруя у зазевавшихся дураков кошельки, выпрашивая милостыню и постоянно скрываясь от солдат. Ох, а еще дрались! Сколько же мы дрались! Впрочем, наша банда неизменно побеждала. Попробуй

проиграй с лихомором, чьи устрашающие тени вынуждают обдѣлываться в штаны даже отъявленных смельчаков. Молва о моем даре разлетелась быстро. В поисках защиты и лучшей жизни к нам прибился десяток перебежчиков из других банд. Так заброшенная лачуга неподалеку от городского кладбища, в которой мы обрели приют, наполнилась людьми.

А после молва о мальчишке-лихоморе дошла и до навиров, которые выследили меня по дороге к новому дому и вызвали на разговор. Трое статных мужчин в зеленых мундирах с красными воротами показались мне величественными, будто небожители. Навиры не угрожали и не тащили с собой волоком. Они предложили мне стать одним из них, и этих простых слов хватило, чтобы мальчишечье сердце, жаждущее славы и почета, зашло от волнения. Конечно же, я согласился. Тогда они велели рассказать, как меня угораздило очутиться на улице. Я и рассказал.

Посоветовавшись, они решили все же заплатить за меня отступные. Изумленные глаза отца с матерью и испуганный писк Дании я не забуду даже на смертном одре. Родители поначалу решили, будто я натворил нечто настолько невообразимое, что особые солдаты императора возьмут под стражу и их тоже. Когда же один из навиров признался, что меня забирают для обучения в кадетском корпусе, отец и вовсе не поверил. Никто не собирался спрашивать разрешения на то, чтобы забрать меня в Белояров, но триста золотых легер родителям снисходительно отдали. Вернее, бросили, будто подаяние, которого они не заслужили. При виде денег глаза матери и отца зажглись алчностью, отчего я сердито отвернулся, поспешив скрыть навевшиеся слезы обиды и горечи. Это были последние слезы, пролитые мною в этой жизни.

Сегодня же ноги вели меня по знакомым местам, а сердце трепыхалось обезумевшей птицей, бьющейся в клетке. Когда впереди замаячили обугленные развалины дома, где прошло мое несчастное детство, оно и вовсе остервенело заметалось. Родительский дом сгорел! Судя по сорнякам, заполонившим некогда ухоженный огородик, здесь уже много лет никто не обитал. Куда делись родители? Остались ли в живых или погибли в огне? Я соврал бы, сказав, что переживал о них или о Дании. Семья Таян уже пятнадцать лет не имела ко мне никакого отношения. Правда, щемящее сердце не желало этого признавать.

Обойдя пепелище по кругу, я в последний раз взглянул на останки своего прошлого и ушел, чтобы больше никогда не возвращаться в детство. Только напиток захотелось еще сильнее.

Трактир «Сокровище провинции» встретил нас шумом людских голосов и веселой музыкой. Играли на нарамской скрипке и гармошке. Между деревянными столиками сновали соблазнительные подавальщицы с ломящимися от выпивки подносами. На каждой красовался черный камзол длиной чуть выше колен, отороченный золотистой вышивкой. И если приличным девушкам полагалось носить нижнюю рубаху до пят, то местные завлекали мужчин голыми ногами, обутыми в коротенькие парчовые сапожки.

Дан кивнул на пробегающую мимо подавальщицу, и та при виде нас кокетливо хихикнула.

– Я же говорил, таких веселых мест в вашей скудной Мирее нет и никогда не будет, – перекрикивая музыку, напомнил он.

– Почему это Мирея наша? Ты уже забыл о родине? – фыркнул я.

– Это родина обо мне забыла.

Получив уклончивый ответ, я не стал расспрашивать. Наверняка у Дана имелись причины бросить все и запросить перевод в провинцию, куда никто из навиров в здравом уме отправляться не желал. Конечно же, его прошение удовлетворили.

Дан воодушевленно потащил меня в отдаленный уголок, где за кадушкой с раскидистой пальмой притаился небольшой круглый столик. Он по-хозяйски плюхнулся на жалобно скрипнувший стул и махнул одной из подавальщиц. Призывно покачивая бедрами, та приблизилась к нам, очаровательно улыбнулась Дану и пробежала по мне изучающим взглядом. Ее улыбка растеряла почти все очарование, сделавшись натянуто-обходительной. На мне болтались ненуж-

ные вещи одного из бойцов Дана, отчего выглядел я, мягко скажем, не героем девичьих грез. Плечистый детина отдал мне их даром, и я был рад даже этому. Не ходить же днями и ночами в форме навиров, а денег у меня после пробуждения на центральной площади Даира не осталось ни легеры.

Вскоре подавальщица водрузила на стол бутылку с зеленоватой настойкой, две хрустальные рюмки и несколько тарелок с мясом, овощами и соленьями. Дан явно собрался пить всю ночь. Я был не против.

Когда в нас сидели уже четыре рюмки нарамской настойки на травах, а в груди разлилось приятное томление, он осторожно осведомился:

– Где ты пропадал до вечера? Следил за Амаль?

Фыркнув, я ответил:

– Если хотел расспросить о ней, необязательно было закатывать пир и тратить столько денег.

– Так вот, значит, какого мнения ты о втором после командира, Амир? – оскорбленно воскликнул Дан, но в глубинах его глаз цвета морской волны плясали бесы. – Решив от чистого сердца угостить тебя, я заслужил лишь глупые подозрения!

– Не разыгрывай драму, второй после командира, – с усмешкой буркнул я.

– Ладно, сдаюсь. Я видел, как тебя гложет что-то неподвластное тебе самому. Навир, поглощенный страстями, – плохой навир. По себе знаю. Вот я и рассудил, что нам обоим нужен вечер в дружеской компании.

Недаром Дан казался мне на редкость проницательным. Он с легкостью нашел подход к каждому солдату нашего взвода, став для нас не просто заместителем командира, а понимающим приятелем. Дан играючи сходил с людьми, завоевывал симпатии и покорял сердца, но при всей своей открытости *никогда* не пускал в душу посторонних. Он выслушивал сослуживцев, давал советы, но ни разу не раскрыл, что за демоны притаились в его собственном сердце. А я никогда не поверю, что у такого человека, как Дан, их не было. В конце концов, без демонов он не смог бы столько лет называть лучшим другом Иссур Ак-Сарина. С младшим братом Тира водила дружбу разве что нечисть... и Дан. Да и тот рассорился с Иссуром еще два года назад – как раз когда Тир занял место покойного воеводы. Тогда же и подал прошение о переводе.

– Давай еще выпьем? – предложил я и поднял рюмку, чтобы не отвечать на расспросы.

Правда, всего три рюмки спустя, растроганный душевной мелодией, я признался:

– Ты спрашивал, где я пропадал весь день? Сегодня я видел сторевшие руины отчего дома. Не знаю, жива ли моя семья, но от родных стен остались одни головешки да дурные воспоминания.

– У тебя возникло желание повидаться с родителями? – икнув, спросил Дан, которому была известна печальная история моего детства.

– Нет, не возникло, – отрезал я. – Ни разу за пятнадцать лет.

Дан покачал головой и протянул мне рюмку.

– Я был уверен, что ты следишь за Амаль Кахир.

– Я следил, – тяжело вздохнул я.

Ну вот, обаяние Дана вновь победило! Захмелев от настойки, я оказался не в силах противостоять соблазну поведать хотя бы малую толику того, что рвало меня на части три бесконечных дня.

– Куда же она направилась?

– Я уверен, что Амаль в Зеленом особняке, но мне так и не удалось ее увидеть.

– Может, оно и к лучшему. Думаю, при встрече тебе несдобровать, – ухмыльнулся Дан.

Он попытался спрятать усмешку, уткнувшись носом в рюмку, но не преуспел.

– Что б ты понимал!

– Ты прав, я мало что понимаю в вашей истории. – Дан примирительно вскинул руки. – Ты же не рассказываешь, как вышло, что тот, кто должен был неусыпно беречь Амаль Кахир, завел шашни и с ней, и с ее служанкой.

– Нет у меня ничего с ее служанкой.

– А с Амаль, значит, есть.

Я бессильно хлопнул рукой по лбу и поднял следующую рюмку.

– Она – невеста воеводы. Зачем ты влез в дела правящих особ? – не отставал Дан.

– Все гораздо хуже, второй после командира. Я сам почти что вошел в эти правящие круги.

– Неужели решил жениться на Амаль вместо Тира Ак-Сарина? – ахнул Дан, на что я лишь печально усмехнулся.

– Нет. Моя невеста – двоюродная сестра Тира, Лира Ак-Эрин.

Услышав это, Дан поперхнулся куском мяса.

– Давненько меня не было в Мирее, – прохрипел он, откашлявшись и вытерев слезы. – Как оказалось, жизнь там бурлит. Ты не думал, что Амаль может в отместку тебе рассказать Лире о вашей... интрижке? Тогда свадьбе не бывать.

– Она расторгла помолвку и теперь уж точно не поедет в Мирею.

– Неудивительно. Тир Ак-Сарин заслал к ней в дом лжеца, пусть и сделал это с добрыми намерениями. Если уж он всерьез решил жениться на Амаль Кахир, то должен был разузнать об ее нраве. Эта стерва не моргнув глазом сведет в могилу всех врагов до единого. Ты слышал, что в тринадцать лет она сожгла человека и за это отец выслал ее из столицы? Похоже, надеялся, что Нечистый лес поглотит проблемное дитяtko.

– Мне об этом известно, но не стану ее осуждать.

Растревоженный ядовитыми словами Дана, я будто бы вновь оказался под дверью спальни Амаль и услышал ее дрожащий голос: «Мне до сих пор снится тот парень. Я раз за разом сжигаю его, и так с тринадцати лет».

Я так и не узнал, кого Амаль сожгла и почему, но после подслушанного разговора с Беркутом не сомневался, что именно Айдан стал всему виной. Пережитое преследовало ее в ночных кошмарах, выворачивало наизнанку израненную душу. Наместница не превратилась в умалишенную хладнокровную душегубку. Да, порой она страшна в гневе. Да, мстительна и вспыльчива, как и я сам, но Амаль не сумасшедшая. Жаль, что я понял это слишком поздно.

– Она и тебя пыталась убить. Вот так любовь у дочурки воеводы! Недаром ее называют зверем, рожденным от привороты, – продолжил Дан, не обратив внимания на мою жалкую попытку защитить Амаль.

Его слова разорвались внутри пушечным ядром, наполненным живым пламенем. Вскочив, я опрокинул стул и схватил бывшего сослуживца за грудки. Тот от неожиданности икнул и уставился на меня округлившимися глазами.

– То, что случилось, касается только нас двоих. Не смей называть ее зверем! Я сам не лучше! Она лишилась отца и лучшего друга, а я ее предал! А тебе еще хватает наглости скалить зубы!

Дан вновь примирительно поднял руки, хотя своей нечеловеческой силой с легкостью мог бы сломать мне запястья.

– Не злись, Амир. Я не прав. Позволил себе лишнего. В конце концов, чем я лучше? Когда ты влюблен, то готов мириться с каждым из демонов, живущих в душе любимого человека. Сколько бы этих тварей там ни было.

Я замер, ошарашенный внезапной откровенностью Дана. Никогда... *никогда* он не упоминал о чем-то настолько личном. Никто из нас не знал, что за барышня так цепко захватила сердце второго после командира, что ни одной другой не удалось даже приблизиться к крепости, возведенной им вокруг себя. А уж сколько девушек из высшего общества Адрама строили

ему глазки, не перечить! Больше женских сердец разбил разве что Тир. И если воевода Мирей расцветал от внимания противоположного пола, то Дан избегал его.

– Никогда не слышал от тебя ничего подобного, – пробормотал я, подбирая стул и опускаясь на него.

– И не услышишь, – хохотнул бывший сослуживец, но глаз его не тронула улыбка, что расплылась на губах. – Я вдруг понял, что мы с тобой похожи. Оба выбрали для чувств совсем не подходящих людей.

– Никогда бы не подумал, что у такого, как ты, случилась несчастная любовь.

Дан вновь расхохотался и опрокинул в себя очередную рюмку.

– А чем я хуже других? Не одному же тебе разукрашивать свою жизнь страданиями. Уверен, у многих есть та любовь, которую можно вытравить, только остановив сердце. И сколько бы ни встретилось потом других, все они будут «после» нее. Чувство той же силы уже не вызовет ни одна живая душа, даже если ты сам эту любовь ненавидишь.

Всё это время Дан неотрывно всматривался в хрусталь рюмки, словно видел там лицо любимой. Казалось, он забыл и обо мне.

Наш странный разговор прервали восторженные крики и улюлюканье. На небольшое возвышение, служившее в трактире сценой, поднялись четыре девицы в неприлично коротких красных камзолах и замерли в ожидании музыки. Звенящие украшения в сложных прическах призывно поблескивали в свете свечей, а на лицах алели изогнутые в соблазнительных улыбках губы. Скрипка заиграла веселую мелодию, к ней присоединилась и гармошка. Два пожилых музыканта с солидными брюшками и сами пританцовывали в такт пустившимся в пляс девушкам. Их движения не походили на традиционные плавные танцы Нарамы, которые завораживали красотой и грацией. Нет, девушки танцевали так, будто хотели соблазнить всех посетителей без исключения.

Некоторые мужчины вскочили со своих мест, одни свистели, другие хлопали в ладоши, третьи бросали медные и серебряные легеры прямо на сцену.

Этот трактир – не первое заведение в империи, куда гостей завлекали женской красотой. За время учебы в Белоярове мне приходилось бывать и там, где девушки вели себя куда откровеннее, где их танцы манили, а одежда... попросту отсутствовала. Но те танцовщицы жили своим мастерством, оттачивали каждое движение, каждый жест и каждый взгляд. Мужчин они сводили с ума кокетливыми улыбками и взмахами ресниц, не говоря уж об изгибах идеальных тел. Эти же танцы... они походили на дикие пляски, соблазняли грубо и откровенно. Для Нарамы, провинции со строгими нравами, этот трактир являл собой настоящую цитадель разврата. Как его еще не сожгли блюстители женского целомудрия?

– Неплохо пляшут? – Дан вновь растянул губы в привычной усмешке и по-дружески ткнул меня локтем под ребра.

– Я видел танцы и получше.

– Поверь, танцы – не главное в этом месте. Сейчас мужики расплятятся, а на втором этаже их уже гостеприимно ждут свободные комнаты с особыми услугами.

– Это бордель? – изумился я, с сомнением покосившись на танцующих девушек, под камзолами у которых... ничего не было. Только голые тела, прикрытые традиционной одеждой Нарамы. Мне-то было плевать на здешние веру и устои, а вот попади сюда кто-то из ярких сторонников традиционного уклада, его хватил бы удар!

– Единственный в городе, которому разрешено работать, – понизив голос, доверительно сообщил Дан.

– Кем разрешено?

– Навирами.

Тут-то мне и вспомнилось, что утром Дан назвал хозяина этого места осведомителем навирав. Что ж, бесплатных крыс не бывает.

Вот так, наблюдая за танцовщицами и беседуя ни о чем, мы провели время до рассвета. Трактир покинули, когда до команды «подъем» осталась пара часов. К тому времени нам с командиром штурмового отряда требовалось явиться в корпус навиров. Учитывая черепашью скорость, с которой пьяные мы шагали в том направлении, этого времени могло не хватить.

Дан, как высший чин, мог позволить себе отбыть утреннее построение и под благовидным предлогом улизнуть домой, я же планировал выдвигаться в Мирею. Бывшему сослуживцу выделили неплохой дом в живописном уголке Даира, где обитала знать и руководство навиров. Мне довелось побывать у него в гостях, когда мы доставили нового воеводу домой, а Амаль – в корпус навиров.

Попав во владения Дана, я не сумел сдержать удивленного возгласа. Помпезностью его жилище лишь немного уступало Зеленому особняку. И если Мауре такой подарок пожаловал сам воевода, то что сделал Дан, чтобы заслужить подобное? Мне искренне не хотелось верить, будто он был одним из тех продажных псин, о которых с ненавистью говорила Амаль. Их хватало среди навиров, но я искренне надеялся, что честных солдат, воспитанных на идеалах войска навиров, все же больше.

– Что-то горит. – Дан застыл, втянув носом рассветную свежесть, щедро разбавленную запахом дыма. Его принес сюда переменившийся ветер.

Мигом позабыв о слабости в ногах, я внимательно осмотрелся по сторонам. Над разномастными крышами в небо вилась струйка дыма, которую тут же рассеивала утренняя серость. Мы с Даном переглянулись и, придя к молчаливому согласию, поспешили к источнику огня. Среди переплетения узких улочек найти его оказалось не так-то просто.

Мы блуждали, полагаясь на все более отчетливый запах гари и едва уловимый гул людских голосов. В груди надрывно заньюло от дурного предчувствия, а сердце забилось рвано и тревожно, стоило нам ступить на улочку, где совсем недавно я под покровом теней наблюдал за воротами Зеленого особняка. Вчера его стерегла каменная стена, увитая плющом, а сегодня от буйной зелени остались одни головешки. Как и от самого дома.

Глава 2. Нелюди

Амир

Толпа, которая собралась поглазеть на сгоревший особняк некогда сильнейшей ведьмы Даира, с любопытством ждала продолжения драмы. Соседи, разбуженные запахом дыма и треском пламени, желали убедиться, что младшая дочь воеводы отправилась в преисподнюю, охваченная яростными языками огня. Женщины шушукались, что Амаль заслужила такую кончину. Они с удовольствием смаковали воспоминания почти семилетней давности и благодарили Творца за то, что забрал жизнь у рехнувшейся ведьмы тем же способом, что и она у невинного юноши.

Мигот протрезвев, Дан отправился за подмогой, я же остался на месте. Сердце глухо билось в груди, пока местные сплетницы поливали смердящими помоями имена Амаль и Мауры. Весь хмель улетучился из тела вместе со страхом, и в голове прояснилось. Пламя почти погасло, но едкий чад продолжал клубиться над улицами Даира. Мне следовало войти во двор некогда прекрасного Зеленого особняка и найти – либо не найти – тело Амаль, но если бы я отпустил зевак, мог потерять драгоценные зацепки.

Что ж, надевать чужую личину для меня было не впервой.

Я обвел взглядом собравшихся людей в дорогих одеждах. Маура соседствовала с богачами да высокими чинами. Простому люду не по карману было жилье в центре столицы. Бросят ли они хоть слово простаку в обносках? Значит, стоило отыскать самую воспитанную даму. К счастью, та нашлась уже через несколько мгновений наблюдения. Пожилая худощавая женщина в парчовом платье и аккуратной шляпке что-то терпеливо растолковывала внучке, которой едва ли стукнуло семь лет. Черноволосая круглолицая девчушка чуть ли не приплясывала от любопытства, показывая пальчиком в сторону догорающего дома.

Ссутулившись, я поплелся к бабушке с внучкой, всем своим видом демонстрируя страх.

– Госпожа, не сердчайте на меня, дурака, но могу я спросить? – старательно выдавая себя за невежу-прислужника, пробормотал я. – Хозяин послал меня разузнать, что стряслось с домом ведьмы. Проклятый огонь чуть не перекинулся на его имение и даже подсмалил деревья. Неужто кто-то поджег?

Женщина покосилась на меня с недоверием, но и промолчать не смогла.

– Говорят, Зеленый особняк загорелся сам по себе.

В темноте никто ничего не видел, – процедила она, отодвинув внучку подальше. Девочка с любопытством таращила на меня круглые карие глаза, словно размышляла, можно ли мне доверять.

Вымученно улыбнувшись малышке, я собрался продолжить расспросы, но в разговор влезла тучная дама в розовой рубашке, поверх которой не то что с трудом сидел, но и почти расходился по швам цветастый камзол.

– Как это сам по себе?! Ведьма получила по заслугам! Кто бы ни поджег это логово, он герой не только для жителей Даира, но и для каждого уважаемого нарамца! Не хватало еще, чтобы байстрючка воеводы жила бок о бок с нами и промышляла темными делами, как и ее мамаша!

Однако никто из высшего света и, вполне вероятно, даже эти самые соседи не гнушались обращаться к Мауре за помощью. Коротка же народная память!

– Знаю я, какими делами эта бесстыдница тут занималась! Не успела вернуться, как привела в дом толпу мужиков! Неужто совсем туго с деньгами в семье воеводы, раз дочурка после его смерти собралась зарабатывать на жизнь, как ее мамаша? – влезла женщина помоложе и постройнее. Надо же, такое красивое лицо и столько дерьма внутри!

– А кто тебе сказал, что она с ними развратничать собралась? – одернула собеседницу толстуха. – Может, они ей для темного ритуала понадобились! Мало ли, что у этих ведьм на уме!

– Так и мой хозяин говорит, что поделом этой соплячке, – поддакнул я, усилием воли заставляя себя дышать размеренно и не думать о том, что совсем рядом, возможно, тлели останки Амаль.

– Если она, как и мать, занималась темными ритуалами, то неудивительно, что демоны явились за ней сами, – продолжила толстуха.

– Что еще за демоны такие? – Я наострил уши.

– Из преисподней.

Я едва удержался от того, чтобы не закатить глаза от непомерного раздражения. Хоть кто-нибудь из этих бесполезных зевак видел хоть что-то, за что я смог бы зацепиться?

– Что вы такое несете?! Две сплетницы, которые верят в демонов! – возмутилась женщина с внучкой, гневно воззрившись на собеседниц. – Этот холоп доложит своему хозяину все, что вы тут наговорили. И что уважаемый господин о вас подумает? Кстати, кто твой хозяин? Что-то я не видела тебя раньше в наших краях. Да и пахнет от тебя подозрительно.

– Бабушка, разве вы сами не видели этих демонов? – звонко поинтересовалась девчушка, не дав мне солгать. Лицо ее пылало искренним детским возмущением. – Вы же сами учили меня никогда не врать, а теперь врете! Я своими ушами слышала, как вы признавались господину Ясману, что разглядели в огне демонов и их лица были красными, словно кровь.

– Замолчи немедленно! – рявкнула женщина, бесцеремонно заткнув внучке рот.

– Значит, красные лица? – пробормотал я, растеряв раболепие и расправив плечи. Дикая догадка едва не повалила меня с ног. – А красных одежд на них не разглядели?

– Я ничего не видела, – процедила женщина, задвигая внучку себе за спину.

– И почему я вам не верю? – ухмыльнулся я, после чего приподнял рубашку и достал из ножен особый кинжал. Внимание сплетниц сосредоточилось на нем, отчего у всех троих на лицах отразилась жуткая мешанина из страха и стыда.

Выжидающе глядя на женщину с внучкой, я красноречиво поиграл кинжалом в руке.

– Сами расскажете, что видели, или желаете продолжить беседу в корпусе навиров? Я легко устрою вам допрос, госпожа.

– Я ничего такого не видела. Моя внучка уже все пересказала.

Если бы словами можно было убивать, каждое изрезало бы меня на десятки кровоточащих ошметков. Я наткнулся на весьма горделивую знатную даму, но даже ей был не чужд страх перед навирами и особым оружием.

– Говорите немедленно! – велел я, краем глаза заметив, как невообразимо быстро рассосалась любопытствующая толпа. Словно вокруг нас вдруг расплзлась чума.

– Моя внучка боится темноты. Она верит в демонов и нечисть из сказок, и потому каждую ночь я сижу с ней часами, – процедила дама. – Сегодня мне пришлось прийти на рассвете. Пока я пела колыбельную, совсем рядом послышался треск пламени. Имение нашей семьи граничит с Зеленым особняком. Я выглянула в окно и заметила несколько теней, что прошмыгнули за ворота, когда все вокруг уже горело.

– Сколько их было? Как они выглядели?

– Как демоны, – пискнула девчушка.

– Кадрия, ты замолчишь или нет?! – рявкнула женщина, окончательно утратив самообладание, но продолжила уже спокойнее: – Я не успела сосчитать, сколько их было. Наверное, около десятка. В цвете одежды я не уверена, но лица показались мне подернутыми кровавой пеленой. Выйдя за ворота, они накинута на плечи тени и исчезли.

– Что значит «накинута тени»?

– То и значит. Я не знаю, люди это были или демоны, но они набросили на себя что-то темное и мигом исчезли.

– Возможно, на лицах злодеев были алые маски?

Женщина вскинула на меня пылающий взгляд:

– Вы хотите сказать, что Зеленый особняк подожгли люди, прибывшие в столицу вместе с новым воеводой?

Именно это я и хотел сказать. Похоже, Айдан отправил шайку холопов расправиться с Амаль и ее солдатами в полной уверенности, что те ускользнут незамеченными. Если бы у маленькой Кадрии не случилось бессонницы, убийц никто не увидел бы даже мельком.

Догадки роились в голове, старательно вытесняя горькую мысль: по воле Айдана Амаль оказалась абсолютно беззащитна, и, пользуясь этим, братец хладнокровно отправил к ней убийц. Отправил вероломно и под покровом ночи! Значит, она находилась там... за этим забором, черным от обугленных останков плюща.

– Мне показалось, что двое из них кого-то волокли за собой, – вдруг добавила женщина.

– Вы не рассмотрели, кого: мужчину или женщину?

– Слишком изящный силуэт. Думаю, это женщина.

Надежда, глупая и зыбкая, зародилась в самом укромном уголке души, но даже этого тусклого огонька мне хватило, чтобы выбраться из топкой безнадеги. Однако ее тут же похоронили под собой два вопроса: «Что Айдан сделает с Амаль, если ее и вправду забрали его холопы?» и «Не причинит ли страданий больше, чем она испытала бы, сторев в огне?»

Долго раздумывать над ними не получилось. Вдалеке послышался топот множества ног, и совсем скоро из ближайшего переулочка, будто муравьи, высыпали два десятка навиров в полной боевой готовности. Среди них я узнал и сыскарей, и штурмовиков Дана.

Спросив у женщины имя, я отправил их с внучкой восвояси. Дан, так и не успевший переодеться, кивнул своим солдатам на незапертые, но заботливо прикрытые ворота. Двое из них, держа на изготовку мечи, толкнули створки и внимательно осмотрели территорию. Возле ворот скорчился обгоревший труп, над которым тут же поспешил склониться один из сыскарей. Он достал из-за пазухи амулет с множеством камней и узелков из разноцветных нитей. Хоть эти магические маяки и выглядели совсем непрезентабельно и даже по-детски, силу они имели недюжинную. Благодаря плетеным амулетам навиры определяли следы чужой магии. Камешки, до этого остававшиеся прозрачными, окрасились в алый. Значит, караульного погубила колдовская сила.

Еще пятеро сыскарей рассредоточились по наполненному духом смерти и горечью дыма внутреннему двору, держа на изготовку те самые амулеты. Камни в них мгновенно позеленели. Особняк пал под натиском ведьмовского огня.

– Уж не сама ли Амаль сожгла свой дом? – фыркнул один из сыскарей.

– И своих солдат заодно? Чушь! Отряд – самое дорогое, что у нее есть, – возмутился я.

Сыскари замолчали, недоверчиво косясь в мою сторону. Уверен, ни у кого из них я не вызывал симпатии. Как жаль, что мне было плевать.

По знаку Дана мы вошли в дом. Дверь, скорее всего, снесли с петель еще до поджога. Сейчас ее обугленные останки валялись неподалеку. Я прикрыл нос и рот рукавом, вглядываясь в каждый уголок некогда красивейшего особняка. Сердце гроыхало в груди, висках и даже в горле, по лбу тонкими струйками стекал пот, ощущавшийся ледяным и обжигающим одновременно, а по телу ползла мерзкая дрожь. И чем больше обугленных мужских трупов мы находили, тем сильнее она становилась.

Мне казалось, что следующим телом будет женское, и если им окажется Амаль, я...

Сколько раз в жизни мне приходилось испытывать ужас? Не страх, не мнительное беспокойство, а именно ужас, который чернотой растекался перед глазами. Такие события можно было сосчитать на пальцах одной руки. И сегодняшнее вошло в это число.

Мы обшарили комнату за комнатой, заглянули в каждый уголок и исследовали каждый труп. Всего их насчитывалось восемь, и все мужские. Я выдохнул, но тут же замер, пораженный внезапной мыслью. Где тогда Ида и Маура? Если убийцы забрали с собой всего одну женщину, и ею наверняка была Амаль, то куда делись эти двое? Неужели сбежали? Нет, Маура хоть и оказалась редкой гадиной, не бросила бы единственную дочь в лапах холопов Айдана. Возможно, она отсутствовала в особняке, когда сюда пришли огонь и смерть. Но куда подевалась Ида?

Своим беспокойством я поделился с Даном, и тот велел еще раз осмотреть все потайные уголки особняка и внутреннего двора. Иду так и не нашли. Сердце вновь тревожно забилося, но уже не металось в груди, словно угодивший в капкан хищник. Судьба Иды, конечно, волновала меня, но не так, как судьба Амаль.

Когда мы насквозь пропитались запахом дыма, Дан подал сигнал уходить, но посреди обгоревшего внутреннего двора я замер и огляделся.

– Где лошади? – вырвалось у меня. – Здесь должно быть одиннадцать обгоревших лошадей.

– В особняке нет конюшен, – отозвался один из навиров. – Наверняка лошади или в имении воеводы, или в ближайшей конюшне.

Я встревоженно сглотнул. Неужели Тайфун, так привязанный к Амаль, остался без хозяйки? И почему в этом горе я ощущал странное родство с ним?

Дан слегка подтолкнул меня в спину, чем вывел из оцепенения. Одному из бойцов он поручил отдать приказ солдатам империи установить дежурство у Зеленого особняка на случай, если рядом замаячит кто-то подозрительный... либо же объявятся Амаль и Ида.

Жестом попросив Дана немного отстать, я шепотом передал ему слова пожилой дамы. Он с сомнением изогнул бровь, услышав о красных масках «демонов», пришедших за Амаль.

– Считаешь, это Айдан? Он же не совсем идиот, чтобы самолично просить командира связать магию сестры и в ту же ночь нападать на нее.

– Наверняка новый воевода чувствует себя безнаказанным, но навирь – не та сила, которую можно подчинить, – рыкнул я. – Нужно рассказать командиру. Он вправе пригласить Айдана на беседу.

– Не вздумай соваться к нему со своими подозрениями, – опасно оглядевшись, тихонько прошептал Дан.

– Почему?

– Командир не пойдет против воеводы. Он слишком хорошо прикормлен.

* * *

Величественный особняк воеводы возвышался надо мной каменным чудищем, скованным четырьмя башнями и оплетенным сетью витражных галерей. Одни окна зияли черными провалами, словно беззубые рты, другие подсвечивались мягкими огнями свечей. Я наблюдал за домом уже четверть часа, дожидаясь, пока кто-нибудь откроет бесову входную дверь. Вокруг клубилось марево теней, надежно скрывшее меня от вражеских глаз. А враги помойными крысами сновали везде, несмотря на воцарившуюся вечернюю мглу.

Вчерашний день я потратил на жалкие попытки проследить за холопами нового воеводы, но все они не имели успеха. Колдуны Айдана передвигались по городу на лошадях в гробовом молчании, словно ожившие мертвецы. Как ни старался, я не мог угнаться за ними. Оставалось лишь идти напролом. Глубокой ночью я попробовал перемахнуть через высоченный забор под покровом теней, но невидимая защита, окутавшая имение рода Эркин, ударила меня мощью десятка молний и отбросила обратно. Хвала Владыке, не пришлось собирать по кусочкам свои кости!

Тут-то я и загрустил. Вот дурак! Собрался проникнуть в дом воеводы, как обычный воришка! Разве первые лица провинции столь глупы, чтобы оставить свое жилище без защиты? Единственный возможный путь к цели – через ворота.

Сегодня днем я прятался от яркого солнца, отогнавшего все тени Даира. Чуть только оно приблизилось к горизонту, настало мое время. Укрытый мороком, я затаился у ворот в ожидании подходящего гостя, вместе с которым можно будет просочиться в имение. На удивление, посторонних во владения воеводы практически не пускали.

Еще вчера я выяснил, что два десятка солдат Айдана возвращаются в имение к десяти вечера и не выходят до утра. Значит, новый воевода держал воинов при себе. Неужели боялся сомкнуть глаза без защиты?

Когда впереди замаячили двое алых всадников, я напрягся и приготовился. Ждать кого-то другого не имело смысла. Пара караульных в тех же алых одеждах торопливо отперли ворота, пропуская сослуживцев. Я призрачной дымкой проскользнул следом, тут же выбрав в качестве укрытия ближайший раскидистый кипарис на аллее, ведущей напрямиком к помпезным дверям. Через пару минут я нырнул за просторную деревянную беседку, балки которой увивал дикий виноград, а проемы скрывала полупрозрачная желтая ткань. Внутри угадывались очертания массивного топчана, заваленного подушками.

Алые всадники спешили и повели лошадей к конюшням, я же терпеливо дождался, пока две служанки прошагают мимо, и прокрался к дверям. Здесь пришлось задержаться. Никто не торопился посещать особняк воеводы. За время ожидания через ворота проехали еще шестеро солдат в красных одеждах. При каждом взгляде на их маски я чувствовал, как хрустят суставы на сжавшихся в кулаки пальцах.

Если в этом проклятом доме томилась Амаль, как мне вызволить ее в одиночку? От навиров помощи не дожидаться. Фраза Дана о командире, прикормленном воеводой, словно наотмашь ударила меня. Я знал, что в нашем братстве есть падкие на деньги крысы, но не думал, что в Нараме столкнусь с их логовом, да еще и с самим крысиным божком, коим возомнил себя полковник Басар!

Вчера к нему наведалься убитый горем Айдан. Ублюдок причитал и заламывал руки, картинно умоляя отыскать «единственную родную душу, которая у меня осталась». Айдан усиленно изображал горящего брата и даже отрядил на ее поиски большую часть своих солдат. И если спектакля с «искренними» братскими чувствами я ожидал, то поиски Амаль вселили надежду, что она ускользнула из лап Айдана.

Когда четверка алых всадников, благополучно оставивших лошадей конюху, двинулась к двери, я затаил дыхание. Одному Владыке известно, насколько сильны эти колдуны. Вдруг их чутье было настолько натренировано, что они учуяли бы меня, как собаки?

Нет, чутье у прислужников Айдана оказалось вполне человеческим. Никто из них не скользнул по мне даже мимолетным взглядом. Я прошмыгнул следом, пока тяжелая дверь медленно закрывалась. Мы попали в просторное помещение, из которого вели и галереи, застекленные красивейшими витражными стеклами, и широкие ветвистые коридоры, и раздвоенная лестница, застеленная ковровой дорожкой, наверняка привезенной из самого Нашада – воинственной державы, когда-то слывшей побратимом Нарама.

Солдаты, переговариваясь о тяжелом дне, направились к одной из витражных галерей. Их топот напоминал барабанную дробь. Я же крался следом, осторожно перекаtywаясь с пятки на носок и не отвлекаясь ни на фрески, ни на вазы с алыми розами, ни на узоры витражей. Зрение сосредоточилось на спинах в алых одеждах, на поясе подрагивали ножны с кинжалом. Особое оружие как будто лучилось желанием вонзиться в каждое из четырех сердец. И я это желание разделял, как никогда.

Посмеиваясь друг над другом, солдаты достигли массивных деревянных дверей из темного дерева со стрельчатой аркой. Кабинет воеводы, который уже успел без зазрения совести занять Айдан. Если во всем доме горело не так уж много масляных ламп, то напротив нужных мне дверей, как назло, трепетали огнями целых четыре. Мне пришлось остаться в стороне, спрятавшись в тени росшей в большой кадучке пальмы.

Лишь когда все четверо исчезли за дверью, я проскользнул ближе, одним движением заставив огни в лампах погаснуть. Остался всего один выживший воин, призванный осветить мне путь к отступлению. Я едва успел прижаться спиной к шершавой стене, как совсем рядом послышались тяжелые шаги. Еще трое холопов нового воеводы явились на поклон, но, к счастью, меня так и не заметили. Один из них отрывисто постучал, и вся троица исчезла за дверью. Я призраком скользнул к деревянной створке и прислушался. Дверь была толстой, отчего голоса звучали приглушенно, но я сумел различить слова.

– Айдан Кахир, ваши горничные незаслуженно получают жалованье. Из четырех ламп у двери горит всего одна. Так и вспахать носом каменный пол недолго, – низкий мужской голос с хрипотцой звучал совсем близко, похоже, говоривший стоял у самой двери.

– Завтра же распоряжусь, чтобы управляющая наказала бездельниц, – лениво протянул Айдан. К его словам пришлось прислушаться – он явно сидел дальше. – Сегодня снова ничего?

– Ничего, – ответил другой голос, чуть выше и мягче. – Кажется, мы уже обыскали даже самые темные уголки столицы. Ведьма как сквозь землю провалилась.

– Она не могла покинуть Даир! – рявкнул Айдан, заставив меня невольно вздрогнуть. Уж очень резко он сменил ленивую неспешность на гнев.

– Из города ведет четыре больших тракта, и на каждом дежурят наши люди. Но есть и другие тропки, которые мы не сможем охватить, поскольку нам попросту не хватит людей, – подхватил голос с хрипотцой.

– Мне неинтересны оправдания! Я плачу вам не за них. Прочешите тропы и осмотрите каждый куст, каждую канаву! Найдите мне ее! Наизнанку выверните, но найдите!

– Уверю вас, Айдан Кахир, если ваша сестра в городе, мы ее отыщем. – Владелец этого голоса слегка картавил, но говорил громко и уверенно. – Если сбежала из Даира, тоже отыщем.

– И сделать это нужно раньше, чем ее найдут нави-ры. Зеленые твари рыщут по столице уже второй день. Еще немного, и они отправятся прочесывать Вароссу. Нам ни к чему такое внимание.

– Вы же сами просили их помочь, – напомнил картавый.

– Конечно, а как иначе? Было бы чудесно потерять сестру и таинственно умолкнуть. Не обратись я к навирам, возникли бы неудобные вопросы.

– У навиров-то? – хохотнул голос с хрипотцой. – Ради золотых лагер их командир готов плясать перед вами дрессированной собачкой.

– Так-то оно так, но казна Нарама не бездонна. Не могу я тратить ее только на вас да на начальство навиров. Аппетиты у мразей растут не по дням, а по часам, – отрезал Айдан.

– Мне вдруг подумалось, не может ли навир из Миреи знать, где ваша сестра? Если его послали для охраны, почему бы ей не явиться к нему?

– Нет, ее служанка клянется, что они смертельно рассорились. Моя гордая сестренка никогда не попросит помощи у человека, кого презирает. А уж навиров она презирает, поверьте мне.

Служанка? Они схватили Иду. Где ее держат и что с ней делают?

Вопросы роились в голове, но ни одного внятного ответа я так и не получил. Бесцельно бродить по дому и искать место, где Айдан спрятал Иду, было равносильно тому, чтобы прямо здесь всадить себе в горло кинжал. Чудо, что мне вообще удалось проникнуть к кабинету воеводы незамеченным.

– А жеребец? Вы забрали его из конюшни? – В голосе Айдана проступила явная заинтересованность.

– Да, достопочтенный воевода. Очень своенравный конь. С ним пришлось повозиться. Ни в какую не хотел идти. Конюх определил его в стойло рядом с вашим Сиятом. Они дружелюбно друг к другу отнеслись.

– В отличие от их хозяев! – расхохотался Айдан. – Нечего породистому жеребцу прозябать в общественной конюшне. Несмотря на то, что столько лет на нем ездил приبلуда мы сумеем выветрить ее вонь. Такими конями не разбрасываются. Я сам его объезжу.

Дальше я слушать не стал. Так же тихонько, как пришел, отправился обратно, ступая мягко, словно кот, приметивший забытый хозяевами кусок мяса (так частенько поговаривал взводный, обучая нас крадущейся походке). В тишине галерей мои шаги все же отдавались чуть слышным эхом. При виде прислуги я замирал, прижавшись к стене, и терпеливо пережидал опасность. Казалось, в гнетущей тишине дома воеводы меня выдаст даже грохочущее сердце.

Ублюдок забрал Тайфуна себе! Сначала он едва не угробил Амаль, а после присвоил последнее, что осталось у нее от отца. Неужели ему так важно отобрать у сестры абсолютно все, что она прячет в своем сердце?

У двери задерживаться не пришлось, поскольку в галерее мой взгляд наткнулся на приоткрытое окно. Дождавшись дуновения ночного ветра, я одним пальцем плавно отодвинул раму, будто бы она открылась сама, и проворно выбрался наружу. Твердая земля под ногами и вечерний воздух с примесью осенней прохлады заставили испытать чувство непередаваемого облегчения. Амаль выжила и не угодила в лапы к Айдану! Да, он натравил на нее всех своих ищеек и сходил с ума от ярости, но все еще не смог поймать ее. Найду ли я неуловимую Амаль Кахир среди великолепных улочек и трущоб столицы? Попытаться определенно стоило.

Внутренний двор имения понемногу пустел, и журчание воды в рукотворном пруду звучало громче. Ему вторило шуршание пожухлой за знойное лето листвы. Мне пришлось провести под тенью уже знакомого кипариса еще два часа, прежде чем ворота наконец открылись, пропуская троих алых слуг воеводы. Я проскользнул мимо лошадей и дал деру, чувствуя, как мелко подрагивают руки. Магия постепенно утекала из тела вместе с бодростью.

Я отогнал тени только через четверть часа. Тяжело привалившись к каменному забору в темном переулке, постарался отдышаться после долгого бега. В голове билась единственная мысль: «Где искать Амаль?» Пока я крутил ее и так и эдак, недавнее воспоминание постепенно оформилось в идею. Октай! Что, если Маура отвела дочь к негодю, приказавшему служанке опохать меня отравленным кофе? Эта ниточка была слаба и призрачна, но я упрямо за нее ухватился. Когда нет следов, даже столь туманная зацепка – уже роскошь. Мне нужен был Дан. Я надеялся, сегодняшнюю ночь он проводит дома, а не в очередном кабаке.

* * *

Ночные переулки встретили нас хрустальной тишиной. Краина Даира спала, в то время как центральные улочки кишели ночными гуляками. Здесь же, в обители бедняков, близился новый рабочий день, который начинался с первыми лучами солнца.

Наш небольшой отряд из пяти человек двигался к дому известного в узких кругах даирского травника Мансура. Даже имя Октай оказалось ложью. С разрешения командира роты – полковника Басара – чтец тела выудил из моих воспоминаний образ увиденного пейзажа за окном и мужчины в черном халате. Тогда-то и выяснилось, что отравивший меня мерзавец знаменит среди простого люда. Мансур – талантливый травник, лучше любого целителя лечивший бедняков. К нему обращалась и знать, но богачам он отказывал, зато привечал несчастных и обездоленных. Такой вот местечковый народный герой. Помимо целительских умений, Мансур обладал недюжинной магической мощью, отчего не боялся ни чиновников, ни нави-ров, но и никогда не лез на рожон. Если бы не отравка в кофе, я бы, пожалуй, проникся симпатией к этому бесстрашному человеку.

Правда, с безгрешностью Мансура можно было поспорить. Дан упомянул, что травника не раз подозревали в укрывательстве колдунов-преступников и торговле дурманом собственного производства. Навиры частенько наведывались к нему домой, но до сих пор не обнаружили ничего подозрительного. Я спросил у Дана о помощнице Мансура, но он лишь пожал плечами, упомянув, что вокруг травника постоянно крутятся попрошайки, которых тот привечает. Поведал Дан и еще один любопытный факт: в свое время ученицей Мансура была и Маура, правда, перестала появляться рядом, как только соблазнила воеводу. Похоже, от него мать Амаль и получила знания, благодаря которым устроила свое будущее. В байку о том, что она зазналась и отвернулась от учителя, я не поверил. Слишком свежи были воспоминания о тепле, с которым Мансур смотрел на свою ученицу.

Даже жил травник на окраине, его дом примостился среди хибар бедняков, возвышаясь над ними черной громадиной. Огрызок убывающей луны едва разгонял кромешную тьму, и для освещения боец по имени Безсон создал три светлячка. Они парили вокруг, воскрешая во мне воспоминания о ночи, полной безнадеги и страха, о многочасовых поисках Амаль, об ее безумном обескровленном лице и отчаянной радости, озарившей потухший взгляд черных глазниц при виде меня. Сейчас же я вновь искал неуловимую Амаль Кахир, на которую вновь покушался собственный брат.

Приблизившись к дому Мансура, мы замерли и переглянулись. Чернота, показавшаяся нам столь внушительной, теперь разила гарью. Дом смотрел на мир провалами выжженных окон. Защищавшие его ворота вырвали с корнем.

– Кто-то позаботился, чтобы Амаль негде было спрятаться, – протянул Дан, пихнув носком сапога обгоревшую балку, некогда бывшую частью ныне обвалившихся стропил.

Я потер лицо и на пару мгновений спрятал его в ладонях. Оборвалась последняя ниточка, ведущая к Амаль, и мы вернулись в начало пути – слепые и бессильные, как новорожденные котятка. Сосредоточившись, я заставил светлячки разрастись и осветить просторную территорию, каждая травинка на которой обгорела в пламени.

На осмотр дома и разбор завалов мы потратили полтора часа, заглянули в каждую комнату и даже сумели пробраться в кухню, где совсем недавно меня напоили отравленным кофе. Благодаря нечеловеческой силе Дан сумел расчистить лаз в подвал. Ни единого следа людей. Похоже, здешние обитатели успели ускользнуть еще до пожара. На всякий случай мы осмотрели и прилегающий участок, на котором теснились останки сараев. Там тоже не обнаружилось ни крови, ни тел. Дом погиб в одиночестве, не захватив с собой ни одного человека.

– Дружище, признай, что тебе больше негде ее искать. – Дан хлопнул меня по плечу и мягко направил к зияющему провалу на месте ворот. Он отчаянно зевал, как и трое его бойцов. Один лишь я готов был искать дальше, рыскать по тропкам и дорожкам, под каждым кустом и в каждой канаве, как сказал Айдан. Но наверняка Амаль так было не найти. Если рядом с ней находилась Маура, они схоронились в надежном месте, переживая бурю. С матерью она не пропадет. Но разве мог я отступить?

Смирившись с поражением, мы отправились обратно. Окутывавшую нас тишину нарушал лишь глухой стук шагов. Я чувствовал недовольство бойцов каждой частицей своего тела, ведь их во главе с командиром выдернули из кроватей и бросили на поиски опальной дочери покойного воеводы. Наверняка они считали меня мирейским идиотом, посланным в наказание за грехи.

– Вы слышали? – вдруг прошептал Безсон и замер на месте, отчего я, задумавшись, налетел на него и едва не повалил на землю. Тот шикнул на меня и создал еще двух светлячков. Они разлетелись, оставив нас в ореоле неясного света.

– Что ты слышал? – настороженно спросил Дан.

– Шорохи и будто бы женский смех.

– Может, кто-то из местных проснулся? – протянул я, осматривая ближайшие дворики, но нигде не уловил движений.

Безсон пожал плечами и двинулся дальше. Мы последовали за ним.

– Как быс-с-стро припус-с-тили, – раздался совсем близко шипящий женский шепот. Я замер и затаил дыхание, окружив нашу пятерку воздушным коконом.

Безсон зажмурился, и светлячки вспыхнули факелами холодного света, осветив тварей, которых никому из нас еще не приходилось видеть. Тела, длинные и гибкие, как у змей; обветшалые рубахи до пят; волосы-сосульки; руки, скрюченные и изломанные; белесые глаза с пышущими алым огнем зрачками и провалами вместо носа и рта; кожа с черными прожилками... Твари одновременно и походили на людей, и разительно от них отличались. Они плотоядно облизывались синюшными языками, отчего на обескровленных щеках поблескивала слюна. Существа приближались грациозно, словно лани. Я насчитал девятиерых...

– Давно нам не попадалис-сь муш-щ-щины. Мы проголодалис-сь, – шипела одна из них – та, что подобралась ближе всех.

– Парш-ш-шивые пс-с-сы. Яйценос-с-сцы, – хрипела другая, с вывернутой под странным углом шей и тянущейся с уголка ротового провала паутиной слюны.

– Давно вы томитесь от голода, девочки мои. Ну же, эти пятеро ваши. Выплесните на них свою ненависть. Скоро я скормлю вам всех навиров этого города, – в мягком мужском голосе, звучащем откуда-то неподалеку, таилась едва уловимая мощь. Словно в каждом тягучем слове и звуке переливалась магия. И эта магия несла нам погибель.

Нечисть бросилась к нам неуловимо и грациозно, но воздушный кокон отбросил их прочь. Твари повалились друг на друга и зашипели от ярости. Черные прожилки на их бескровной коже проступили ярче.

– Ну же, дорогие. Разорвите их на кусочки и умойтесь кровью императорских ублюдков. Обглодайте каждую косточку. Они – мой вам подарок, – голос зазвучал еще мягче и нежнее, будто говорил не с мерзкими тварями, а с любовницами.

Существа на мгновение обернулись и чуть заметно поклонились хозяину. Даже в сиянии светлячков я разглядел лишь черный плащ с огромным капюшоном и пестрящую золотом маску, что покрывала лицо незнакомца. Его рост я бы не назвал выдающимся, а фигура, хоть и покрытая струящейся материей, смотрелась худощавой и поджарой. Однако от незнакомца исходила почти осязаемая тьма, струясь по его телу и устремляясь к каждой из его питомиц.

– Гос-с-сподин так добр к нам, – расплылась в подобострастной улыбке еще одна тварь, однако в то же мгновение завизжала и задергалась, охваченная обжигающим светом. Один из

светлячков разросся, повинуюсь воле Безсона, потерял очертания и опалил ее. Кожа твари почернела и сморщилась, словно бумага, пока остальные тушили подругу голыми скрюченными руками. Их хозяин ехидно посмеивался, не приближаясь.

Спасти жертву чистого света тварям так и не удалось. Та обуглилась, издала предсмертный хрип и обмякла, оставшись на земле всего лишь грудой кожи и тряпья. Мешок из-под человека...

– Что за дрянь? – буркнул Дан, с отвращением глядя на останки поверженной твари, но ответить ему никто не успел.

Подстегнутые смертью подруги и озверевшие от ярости, чудища бросились на нас снова, и под их напором моя воздушная защита пошатнулась. Они кромсали незримую преграду синими когтями, впивались в нее клыками, шипели и смеялись, не отрывая от нас кровавых глаз. Нечисть рвалась получить подарок хозяина и обглодать нас, словно поздний ужин.

В стремлении удержать защиту я выпустил тьму, завихрившуюся тенями вместо воздушного кокона, но твари напирала все усерднее. Они бились о преграду с силой тарана, отчего мое тело дрожало, как будто вокруг гулял не свежий осенний ветерок, а морозная стужа. Я чувствовал, как по губам и подбородку течет струйка крови, ноги ощущались чужими, словно отрезанными от чьего-то мертвого тела, а тени стояли из последних сил.

– Дан, я не удержу, – мой шепот донесся до товарища, но не достиг ушей остальных. Он ожидал атаки, а Безсон оказался не готов к тому, что две твари прорвут истончившуюся преграду и утащат его из защитного круга с диким хохотом и чавканьем.

Еще мгновение, и округу огласил нечеловеческий вопль боли. Твари жрали Безсона живьем...

Дан рванул к ним, как и парень, имени которого я не знал. На его ладони прирученной небесной молнией искрилась магия. Мы с оставшимся бойцом едва уберегли их от ошибки, отчего оба яростно забились в нашей хватке.

– Чем ты ему поможешь?! – вопил я, тряся Дана и чувствуя мерзкий привкус крови во рту. Она все текла и текла, капая на кожаную броню. – Пока вы в круге, я постараюсь вас защитить!

– Безсона уже защитил! Не мешайся! – В порыве гнева Дан отпихнул меня, отчего я едва не свалился навзничь. А потом круг теней рухнул.

Твари с визгом и шипением ринулись на нас. Сколько же их?! Они прибывали и прибывали. Нечисти явно стало в два раза больше, и они не оставили бы от нас и косточки.

Дан набросился на людоедок с голыми руками и особым кинжалом, по очереди вспоров до бескровных внутренностей троих. Один из его бойцов отбивался срывающимися с ладоней молниями, второй выжигал тварям глаза точными прикосновениями. Когда нечисть додумалась не подступать близко, все трое выхватили из ножен мечи, жалившие не хуже кинжалов. Небольшое пространство между домами наполнилось воплями, визгом и стонами, всполохами молний и вонью гниющих тел. Твари источали трупное зловоние, словно оставленные на солнце мертвецы.

– Ну же, девочки мои, не позволяйте этой погани ускользнуть! – разнесся над нашими головами голос хозяина, кровавой пеленой опустившись на каждую из его «девочек».

Они забились яростнее, но парни оказались не промах. Дан справлялся ловчее всех. Он вспорол и разорвал пополам пятерых тварей, но одна из них подкралась к навиру, что выжигал глаза ее подругам, и вцепилась когтями в его незащищенную шею. Я больше не мог ждать и копить силы. Если его утащили бы, то сожрала, как Безсона.

Не успел я сосредоточиться на внутренней силе, как из темноты вынырнули еще две особи и с плотоядными ухмылками на обезображенных ртах бросились ко мне, вытянув руки со скрюченными когтистыми пальцами. Тратить силы нельзя было, иначе их не останется на взрыв.

Я выхватил меч и полоснул одну из тварей прямо по лицу. Она завизжала, схватившись за бескровную рану. Из давно мертвых тел не сочилась кровь, зато мне в лицо пахло разложением. Едва удержавшись от рвотного позыва, я задержал дыхание.

Вторая тварь прыгнула сзади, целясь в шею, но мне не составило труда насадить ее на меч, словно курицу на вертел. И вновь эта вонь, заставившая меня зайтись в кашле. Наткнувшись взглядом на отчаянно отбивавшегося парня, по шее которого стекали ручьи крови, я вытер меч об изношенную одежду проткнутой погани и вернул его в ножны, после чего сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

Внутренняя сила только и ждала, когда же моя воля сосредоточится на ней. С бешеной радостью преданного пса заскулила и заерзала в груди. Шар магии разрастался, но сегодня в нем не было ни искорки света. Во мне разбухала тьма. Тело затянуло в омут бесконечной черноты, она сгустилась и под веками, и вокруг меня. Я ощущал, как дрожат руки, как их окутывает жар, как он разрастается. Шар силы рос, и вся тьма лихомора струилась в нем.

Все вокруг стихло. Неужто нечисть испугалась? Но я не открывал глаз, продолжая наращивать мощь. Пара мгновений, и первозданная магия в моих руках взорвалась, сбив с ног меня самого и Дана с его бойцами. Тварей же разметало по округе, их части разлетелись гнилыми ошметками. Не знаю, задело ли их хозяина, но хлопок получился мощным и обжигающим. Он исчез, будто и не было, бросив своих разорванных на части «девочек».

Местные жители, наверняка напуганные нашествием нечисти, не высунули носы на улицу даже после взрыва.

Я рухнул на землю, не чувствуя собственного тела, и только краем глаза видел, как Дан бросился к бойцу, из шеи которого хлестала кровь. Ему пришлось оторвать рукав рубахи, чтобы перевязать раны. Бедолага кое-как поднялся на ноги, шатаясь, как молодая береза на ветру. Тут-то взгляд Дана и наткнулся на меня, обессиленного и беспомощного. С тяжелым вздохом он опустился на колени рядом со мной. Лицо Дана омрачалось горем и яростью, но голос прозвучал спокойно:

– Ты как?

– Жить буду. Много сил отдал, – с трудом прохрипел я. Подводило не только горло, но и язык. Казалось, последние силы отбирает дыхание, куда уж там разговорам!

– Нужно убираться отсюда, пока твари не вернулись, – пробормотал Дан и легко, будто перышко, взвалил меня на плечо.

Ничего позорнее со мной еще не приключалось, но сейчас у меня не вырвался даже вздох возмущения – для этого потребовалось бы слишком много сил.

Мы окинули взглядом обугленные останки, и наверняка каждому пришла в голову печальная мысль, что Безсона не получится даже традиционно сжечь. Половина его тела упокоилась в желудках разорванных тварей, вторую же половину разметал взрыв.

Мы двигались в полном молчании, я заставлял себя дышать, только бы не сдохнуть прямо на плече бывшего сослуживца, а в голове остервенело билась одна-единственная мысль: «Они охотятся на навиров. Нас хотят истребить!»

Глава 3. Пламя под пятками

Амаль

Мерное трепетание огня толстой восковой свечи убаюкивало. Вместо выцветших заковыристых букв я видела лишь бешеную пляску смазанных узоров. Голова раскальвалась, а в глазах мелькали размытые образы недавних событий. Действие настойки Мансура подходило к концу, и хватка горя с каждой минутой все сильнее сжимала горло.

Я упрямо продолжала читать одолженную у новоявленного отца книгу о правлении последнего каана Башира Гана и его верном царе змей Аждархе. Оттуда и узнала, что за все время ведения летописей известно всего о трех змеиных царях. Одного пять веков назад извели в Алмазной империи ценой сожженного войска, второй погиб в войне с Шань-Юном и только третий дожил до наших дней в заточении. Он и служил Баширу Гану верой и правдой, принеся врагам столько ужаса, что в Нараме о нем до сих пор слагали кровавые предания.

Легенды гласили, что драконом Аждархой становится змея, прожившая столетие, не видя людей и не слыша их голосов. За годы в одиночестве она вымахивает до устрашающих размеров, отращивает несколько голов и напитывается магией, обретая власть над змеями. Сколько же сил накопил змеиный царь, томившийся уже два столетия на дне озера? Это нам и предстояло выяснить, но думать о будущих победах у меня пока не получалось. Сколько бы я ни старалась отвлечься, воспоминания о Беркуте и убитых солдатах не покидали меня, подсвеченные бархатным пламенем свечи.

Пальцы в отчаянии сжимали пузырек с каплями. Надев венец каана, я поклялась себе собрать все крупницы внутренней силы и пережить горе самостоятельно, но когда действие чудодейственного снадобья подошло к концу, блаженное забвение вновь показалось манящим и правильным. Какой толк отчаявшимся людям, которые собрались здесь, от сопливой истеричной девчонки? Капли вновь вернут мне ясный разум. Обитатели пещеры и без того косились на меня с недоверием. Впрочем, я тоже не доверяла никому из них и потому с кипой книг сбежала в свою каморку.

Запрещенные империей *правдивые* исторические хроники Нарамы позволили забыть, но не забыть о горе. Вскоре беспокойный сон наполнил меня, словно аромат эфирных масел. Счастливые воспоминания сменяли друг друга: шуточный поединок Михеля и Ансара; строгие речи Беркута перед строем замерших в напряжении солдат; Мор, преданно машущий хвостом при виде хозяина; Тайфун, доверчиво уткнувшийся носом в руку моего друга; наша первая

встреча с предателем... Вонь пота и грязной одежды, казалось, до сих пор осталась у меня в носу.

Образ шпиона вдруг распался на осколки, собравшись в новую картинку. Центральная площадь Вароссы, вздымающийся к небу костер, разномастная толпа веселящихся горожан и наш с Беркутом последний танец на празднике встречи осени.

– *Может, хоть раз станцуешь женскую партию? Я будто с мужиком в паре стою. Это... странно.*

– *Интересный опыт для тебя, не правда ли?*

– *Ты просто не умеешь.*

Не умею без тебя, Михель. Во что же я ввязалась?

– *Прости меня, сестра! Пощади, умоляю!!!*

Хищный огонь пожирал тело Арлана, впивался в его кожу смертоносными когтями. Она чернела и обугливалась, сливалась воедино с одеждой, превращаясь в черное месиво жженой плоти. Брат хрипел и стонал, молил о помощи и тянул ко мне пылающую руку. А я... я таращилась на него, чувствуя подступающую дурноту... Его глаза... такие добрые и нежные когда-то... они принадлежали зверю... К горлу подкатил комок рвоты.

За дверью послышался беспокойный гомон, отчего я подскочила на скамейке и прикрыла ладонью рот, готовый извергнуть желчь из пустого желудка. Перед глазами все еще пылал образ Арлана, воздух с хрипом входил и выходил из груди, а снаружи раздавался топот множества ног. Что-то снова случилось.

Рука, подчинившись порыву отчаяния, откупорила крышку на спасительном пузырьке, и на язык живительной горечью упали пять капель настойки Мансура. Если мне вновь грозит смерть, то умру с ясной головой, прихватив с собой парочку врагов.

Выхватив из ножен на поясе кинжал, я бросилась к двери, за которой уже никого не было. Взволенные голоса раздавались издали, из тронного зала. Держа каму на изготовку, я двинулась на звук. Колотящееся сердце постепенно замедлялось, стук крови в горле прекращался, а мысли наполняла блаженная пустота. Капли подействовали моментально.

В дальнем углу тронного зала, как раз у подножия каменной лестницы, столпились гомонящие люди. Я выхватила взглядом Иглу, остервенело роющуюся в холщовом мешке, и спешащего к своей спальне Мансура. На известняковом полу лежал человек, обернутый в черный плащ. Рядом с Иглой склонилась Маура и что-то ей настойчиво нашептывала. Ученица Мансура раздраженно отмахнулась и продолжила поиски.

Я приблизилась и заглянула через плечо матери. Лицо человека, что распластался без сознания, едва сойдя с лестницы, скрывала золоченая маска, а тело – плотная материя плаща, в свете факелов блестящего от жидкости. Погодите-ка, это ожог! Сильный ожог. Ткань запеклась на груди и руках незнакомца. А его волосы, выбившиеся из-под капюшона... неужели это...

– Нет, Эрдэнэ, не засыпай, – умоляла Игла, наконец вытащив из мешка три пузырька с настойками.

Она заботливо приподняла голову мужчины и осторожно сняла маску. Лицо Эрдэнэ осталось целым и невредимым, разве что кожа в полумраке тронного зала выглядела серой, как у трупов, которыми он повелевал. Его темные глаза закатывались в полубреду, но губы все равно упрямо растянулись в усмешке.

– Иголка, не переживай ты. Меня... ах... не так-то просто убить... – пробормотал он, ахая и вздрагивая от боли.

Игла поднесла к губам Эрдэнэ пузырек с настойкой и велела выпить до дна. Тот, морщась и захлебываясь, послушно выполнил приказ. Тем временем Маура выудила из мешка, в котором так остервенело копалась ученица Мансура, несколько полосок чистой ткани и вылила на них пузырек с мутной жидкостью, после чего приложила одну к груди Эрдэнэ, другими же

обвязала его обожженные руки. Тот вздрогнул и зашипел, неосознанно потянувшись к ране, но Маура осторожно отвела его пылающие ожогами ладони от груди.

– Не шипи, – буркнула она. – Если сейчас не напитать этим настоем раны, они омертвеют. Да и прилипшую ткань нужно отмочить.

Через минуту подоспел Мансур. В руках он держал узелок с травами и мраморную ступку.

– Джар, отнеси Эрдэнэ в его комнату. Только, прошу тебя, осторожно, – распорядился он, обращаясь к тому самому мужчине, который обилием шерсти и свирепостью в узких зрачках напоминал хищника.

Волхат послушно кивнул и бережно, словно собирался перенести хрустальную вазу, поднял Эрдэнэ на руки. Повелитель трупов забормотал что-то ругательное, но его слабые угрозы никого не волновали.

У комнаты Эрдэнэ полузверь терпеливо дождался, пока идущая следом Игла откроет дощатую дверь. Уверена, у него хватило бы сил попросту вышибить ее.

– Закир, нужно больше огней. – Повелительный голос Мансура отразился от стен, отчего слепой мужчина, которого все так же поддерживала мать, испуганно кивнул. Его не было с нами в тронном зале, но сюда он подоспел на удивление вовремя.

Закир едва заметно повел рукой в сторону спальни Эрдэнэ, и из самых дальних уголков длинного хода к нам устремился десяток блуждающих огоньков. Так это он управлял ими! А я-то думала, что огни – часть магии пещеры.

Светлячки наполнили комнату Эрдэнэ светом, явив нам и роскошный ковер, и разномастные парчовые подушки, сваленные на широкой кровати, и ворох дорогой одежды, и столик с догоревшими благовониями, и даже обитое бархатом кресло. Как он протащил все это в пещеру? Наверняка «девочки» с удовольствием помогли хозяину.

Джар опустил кряхтящего Эрдэнэ на кровать и послушно вышел за дверь, повинувшись жесту Мауры.

– Расходитесь. Нечего тут смотреть! Все равно он сейчас ничего не расскажет! – гаркнула она, отесняя своим телом толпу, чтобы закрыть дверь.

Любопытные обитатели пещеры не торопились расходиться, норовя заглянуть внутрь и обеспокоенно перешептываясь. Лишь окрик Мансура убедил их опасливо посторониться. Эти люди были невероятно сильны, так почему же так походили на гурьбу растерянных детишек?

– Настойка помогает слабо, Маура! Он снова бредит!

Возглас Иглы заставил толпу ахнуть и вновь загалдеть.

– Где он был? Кто на него напал? – вопрошал женский голос.

– Мансур уже которую ночь посылает его куда-то. Я своими глазами видел, как Эрдэнэ уходил с горы со своими трупами, – отвечал мужской.

– А вернулся один. Где же его прислужницы?

– Видать, сгорели там, откуда он выбрался.

Я сторонилась обитателей пещеры, но настороженно слушала их бормотание.

– Амаль Кахир, мы можем поговорить? – Голос Данира, возникшего рядом со мной внезапно словно тень, заставил меня встрепенуться.

Вчера в суматохе церемонии я и не заметила, что привычная коричневая форма Данира исчезла, а ее место заняли издававшие виды черные шаровары и серая рубаха из грубой ткани, подпоясанная длинным кушаком¹. Отныне в этом простаке ничего не выдавало его прошлого, кроме неудержимого стремления все так же оберегать меня.

---

¹ Кушак – широкий и длинный пояс из куска ткани или кожи.

Я кивнула солдату в сторону своей каморки, как раз по соседству с комнатой Эрдэнэ. Данир услужливо пропустил меня вперед, после чего плотно закрыл за нами хлипкую дверь. А потом настороженно замер за моей спиной, не решаясь начать.

– Амаль Кахир, я, как ваш солдат, не вправе упрекать вас и сомневаться в ваших решениях, но...

– Но все происходящее тебе не нравится, – закончила я, и Данир несмело кивнул.

– Мансур стремится возродить Нарам, но сможете ли вы сделать это, не пролив кровь тысяч жителей провинции? Разве эта война стоит того? Император подавит любое восстание. На его стороне навиры, армия, Первая стража. Вам... нам не выстоять против него.

Глаза Данира пылали искренним гневом, но в голосе не слышалось ни намек на упрек. Он втолковывал мне прописные истины почтительно, но страстно.

– Ты прав, Данир. Я и сама не уверена, что поступаю правильно, принимая сторону Мансура. У него есть план победы над империей, показавшийся мне убедительным. Он уверен, что люди пойдут за мной. Это будет их выбор.

– Зачем вам это нужно? – не выдержал солдат.

– Зачем? Затем, что при жизни отца я правила Вароссой, а теперь одного за другим теряю своих воинов. Мой, как оказалось, неродной брат охотится за мной и за вами. Он победил, а я прячусь, словно подвальная крыса. Как прячутся и люди, которые сейчас бубнят за дверью. Навиры истребляют волхатов и по сей день. Император боится восстания и не подконтрольных ему колдунов. Мансур, по его словам, мечтает, чтобы предки смогли спать спокойно, зная, что Нарам возродился. Но я не настолько самоотверженна, чтобы увязать в этой грязи без собственной выгоды. Я не имею законного права на звание воеводы, но это не мешает мне уничтожить Айдана и сесть во главе Нарамы. Он так боялся за свое место, что теперь я отберу его с превеликим удовольствием.

– А как же народ?

– Народу ничего не останется, кроме как поддержать нас. Все-таки в большинстве еще играет горячая нарамская кровь, так и не принявшая империю. Солдаты Нарамы всегда славились смелостью и жестокостью. Пусть покажут, что предки, воевавшие целую жизнь, могут гордиться потомками.

– В вас говорят горе и обида. Беркут осудил бы это. Он бы сумел убедить вас не ввязываться в интриги Мансура и не вынуждать людей проливать кровь.

– Беркута здесь нет! Именно ради мести за него и остальных сгоревших солдат я ввязуюсь в эту войну. Ради того, чтобы больше никто не посмел отбирать у меня дорогих людей. Теперь я бью первая!

– Разве имеет отношение ваша месть брату к восстанию, о котором мечтает Мансур?

– Нет, мои намерения – это мои намерения, – помолчав, ответила я. – Мне нравится путь, которым собирается следовать Мансур, но я не уверена, что пойду за ним до конца. Новоявленный папенька – слишком скользкий человек, чтобы я доверяла ему без оглядки.

– Тогда зачем, Амаль Кахир? – выдохнул Данир и тяжело осел рядом.

– Потому что мне нужна сила, и Мансур способен мне эту силу дать.

В глазах солдата роилось множество невысказанных вопросов. Он не решался задать их, но я знала, что должна ответить правдиво. Эти люди – единственное, что у меня осталось. Раз уж я собралась тащить их за собой, то обязана раскрыть правду и о своих намерениях, и о дороге, которой последую. Еще бы самой разобраться, моя ли это дорога.

– С раннего детства я жила, оглядываясь за спину. Там всегда стоял Айдан, раз за разом доказывая мне, что я – приبلудыш, рожденный матерью, чтобы разрушить их семью. Жена моего отца видела во мне угрозу для будущего своих детей. Отец сослал подальше, не поверив, что я сожгла не просто сына знатного человека, а одного из насильников. Арлан и вовсе превратился в чудовище, жаждущее заполнить мою магию. Все вокруг ненавидели меня, опасаясь

ясь, что я мечтаю о власти. И вот мой настоящий отец готов собственными руками возвести меня на престол. Так почему я не могу обрести то, жажду чего мне так настойчиво приписывали? У меня нет плана, чтобы действовать по-своему, и поэтому пока я буду следовать тому, что придумал Мансур.

Я поднялась со скамейки и повернулась к Даниру спиной. Капли Мансура помогли сохранить хладнокровие, но то ли отголосок страха, то ли влажная прохлада пещеры заставили обхватить себя руками. Несмотря на растерянность, мой разум пребывал в покое, и грядущие события виделись мне ценой, которую платил каждый правитель за расширение своих земель.

– Я обязательно расскажу тебе и остальным солдатам все, что узнала от Мансура, и предоставлю вам выбор: остаться со мной или уйти. Отряд – единственное, что у меня есть. Если вы решите покинуть меня, я отпущу вас с миром.

– Я во что бы то ни стало останусь с вами, – отрезал Данир, смело посмотрев мне в глаза.

– Ты же не одобряешь восстание.

– Я – коренной наrameц, Амаль Кахир. Во мне тоже играет горячая кровь, о которой вы упоминали. Я провел в вашем отряде шесть лет и за это время хорошо вас изучил. Вы беспощадны с врагами и строги с нами, не прощаете обид и предательств, но никогда не обижали простой народ. Вы охотились за разбойниками и лично их допрашивали, сжигали руки, только бы избавить Вароссу от змей, беспокоились о горожанах и всячески оберегали их. Если моего командира назвали кааном, значит, я присягну на верность каану. Если же вы решите им не быть, то я приму и это.

Станным образом Данир разглядел все, что подтачивало мой разум, и вывалил на свет. Он смирился с моей эгоистичной жадой власти и все равно верил в заботу о людях. Почему же эти люди только и могли, что сквернословить обо мне? Почему ненавидели меня? Почему ненавидели мою мать, хоть она и помогала им на протяжении стольких лет?

Мансур же все равно не желал ненужных жертв среди невинных и потому планировал не просто поднять провинцию на дыбы, а подготовить почву: истребить навилов и напасть на императорский дворец. Уж там-то не найдется никого невинного. Он мечтал освободить змеиного царя, тем самым возвысив меня в глазах народа, и с его помощью победить воинов империи. Та, что правит Аждархой, как никто достойна возродить былое величие гордого Нарамы. И мне нравилось представлять эту мощь.

Стук в дверь заставил вздрогнуть нас обоих. За разговором мы и не заметили, как снаружи воцарилась тишина. Стук повторился. Сегодняшняя ночь и вправду не дала ни минуты для покоя.

Я распахнула дверь и застыла, увидев на пороге Мансура. На его лице не осталось и следа от того тепла и гордости, что светились там всего сутки назад. Новоявленный отец был зол, словно две сотни Шурале. За его спиной несмело топтался низкорослый чумазыый мужичок неопределенного возраста и источал кисло-тошнотворную вонь. Из-за свалывшихся волос, опухшего лица и заплывшего глаза, под которым расцветал всеми красками огромный синяк, он казался стариком.

– Ты не одна? – отрывисто спросил Мансур, наткнувшись взглядом на Данира. Тот выпрямил спину и гордо поднял голову, словно старался выглядеть значимее, чем был на самом деле. – Впрочем, хорошо. Это дело касается вас обоих. Если хотите спасти ваш отряд, значит, уже завтра ночью должны выдвинуться в Вароссу.

– Почему такая срочность? – изумилась я. – Сгоревшие в особняке тела нужно похоронить. Я надеялась, что вы мне в этом поможете. А еще я должна забрать Тайфуна. Он в общественной конюшне. Это все, что осталось у меня от... воеводы!

– Тела забрали навиры, а твоего коня уже нет в конюшне. У меня много глаз в Даире, и они доложили, что жеребца увели люди Айдана. Но дело сейчас не в этом. Похоже, воевода отчаялся отыскать тебя в столице и отправил бойцов в Вароссу, – сообщил Мансур, и каждое

его слово все глубже и глубже проедало дыру в моей груди. – У них приказ уничтожить твоих солдат.

– Да, госпожа, это я услышал, как двое бесов в красном перетирали приказ воеводы, – высунувшись из-за спины Мансура, забормотал нищий. Мой взгляд невольно прилип к его гнилым зубам. – Их большой отряд ушел в Вароссу сегодня ночью. Красные бесы зачистят ваше имение для нового наместника.

– Сколько? – выдохнула я.

– Я не умею считать, госпожа, но их много.

Пещера заплясала перед глазами, а дрожь охватила каждый волосок и каждую частицу моего тела. Даже под действием капель отголоски ужаса отдавались в висках. В Вароссе осталось сорок солдат. Сорок! Если прислужники Айдана успеют раньше меня, а они успеют... Нет, Творец, я молю тебя! Только не снова! Только не они!

Страх за солдат вытеснил любые мысли о Тайфуне. Я вцепилась в руку Мансура так сильно, что тот поморщился от боли.

– Прошу вас, помогите! Как мне опередить этих чудовищ?! Умоляю, позвольте воспользоваться коридором огня!

Мои глаза остались сухими благодаря настойке, но хватка на руке Мансура все усиливалась и усиливалась. Данир за моей спиной молчал, словно от страха откусил язык.

– Конечно же, я позволю тебе это сделать, но загвоздка в другом: чтобы коридор открылся, огонь должен гореть в обоих концах. Сейчас бы пригодилась помощь горных кадров, но они живут в горах Фадаята. Мы потратим много драгоценного времени, чтобы связаться с ними.

Мысли запрыгали и закружились. Как сообщить в поместье, чтобы зажгли камин? Здесь уж точно не найдется почтовых птиц.

Заметив мою растерянность, Мансур одарил меня снисходительной ухмылкой и велел:

– Следуй за мной к Закиру. Нам помогут его блуждающие огни. А ты, – он окинул Данира высокомерным взглядом, – отправляйся к себе. У тебя есть несколько часов, чтобы отдохнуть. Потом вам долго не придется спать.

– Амаль Кахир, куда мы побежим? Вернемся сюда? – спросил у меня Данир, избегая смотреть на Мансура.

Я уже знала ответ. Бежать было некуда. Все мосты, даже хлипкие и сгнившие, сгорали прямо под пятками. Впереди только Мирея и Тир Ак-Сарин. Став его невестой, я сумею на какое-то время обезопасить своих людей и, возможно, отыскать волхатов. А если не отыщу и план Мансура не воплотится в жизнь, то во что бы то ни стало заполучу в союзники новоявленного жениха и затаюсь. Мне позарез требовалось время, чтобы обдумать дальнейшие шаги, и в Мирее я его получу.

– Мы отправимся в Адрам, к моему жениху.

– К Тиру Ак-Сарину? – изумился Данир. – Вы же разорвали помолвку.

– Я передумала. Он нам нужен.

С этими словами я положила руку на плечо Данира и чуть сжала его, глазами обещая позже рассказать все как на духу. Наверное, он меня понял, потому что с тяжелым вздохом кивнул и направился прочь. Даниру выделили комнатку очень далеко от меня, почти в конце хода. Там он уютился с молодым парнем, который раньше скитался по улицам, но по счастливой случайности повстречал Мансура. По его словам, мой новоявленный отец слыл в Даире кем-то вроде защитника нищих и простолюдинов.

Мансур отправил попрошайку к Игле, пообещав, что та накормит его досыта, и повел меня к комнате Закира. Коротко постучав, он замер в ожидании. Дверь открыла уставшая пожилая женщина в накинутах на голову тонком платке и выдавшем виды некогда синем платье. В ее медово-карих глазах отразилась тревога.

– Господин, что-то с Эрдэнэ? – Ее голос звучал мягко и мелодично, словно флейта.

– Нет, Сурия, мы здесь по другому вопросу. Нам нужен Закир.

– Но он уже спит. Мой мальчик в последнее время очень устает, а после мучается от плохого сна, – запричитала женщина.

– Сурия, твой сын – боец. Перестань душить его заботой и позволь помочь нашему делу, – в тоне Ман-сура зазвучали угрожающие нотки.

Стоило слышать их, мать Закира с легким поклоном посторонилась, пропуская нас внутрь просторной комнаты. С потолка здесь, как и в моей камере, свисали сосульки сталактитов. Почти половину свободного места занимали две кровати, на одной из которых сидел сонный Закир и таращил на нас мутные глаза. Над нашими головами парили два блуждающих огонька, которые тут же спустились, зависнув на уровне лица Ман-сура.

Я осмотрелась в комнате, отметив, что Сурия наверняка жить не могла без рукоделия. Грубый деревянный стол, так похожий на тот, что стоял в моей камере, устилала вышитая разномастными цветами скатерть, даже простыни и подушки украшала вышивка. Внезапно вспомнилась невозможно пестрая вышивка на передниках Дании, отчего перед глазами замелькали воспоминания той злополучной ночи, когда кадар добрался до своей последней жертвы, а после чуть не убил Инг... предателя.

– Закир, нам нужна помощь. Тебе под силу отправить блуждающий огонек в Вароссу? – Вопрос Мансура вернул меня из прошлого в камеру слепого волхата.

– В Вароссу? Я никогда не посылал огни так далеко, – пробормотал Закир и сонно потер глаза.

– Господин, у него не хватит сил, – влезла Сурия, схватив сына за руку, но тот лишь мягко высвободился из материнской хватки.

– Я просто еще ни разу не пробовал, – отрезал Закир. – Мама, у меня получится. То, что я слеп, не значит, что я слаб.

Я с уважением взглянула на молодого волхата, так отчаянно противостоящего безмерной материнской любви. Его сила воистину впечатляла.

– Госпоже Амаль необходимо отправиться в Вароссу по огненному коридору, – пояснил Мансур. – Ее солдаты в большой опасности. Только от тебя зависит, будут ли жить эти люди или умрут от рук прислужников нового воеводы.

Закир поднялся на ноги и расправил плечи. Значимость, которой наделил его Мансур, казалось, прибавила слепому волхату сил и уверенности.

– Вы – моя последняя надежда, Закир. Эти люди – всё для меня, – добавила я.

На лице волхата расплылась мягкая улыбка.

– Я все сделаю для вас, достопочтенный каан.

Я поежилась от его слов. Достопочтенный каан. Какой абсурд! Совсем недавно достопочтенным воеводой называли моего отца.

– Чтобы создать настолько сильный сгусток, мне придется потушить половину огней в пещере, – продолжил Закир, на что Мансур с готовностью кивнул. – Распорядитесь отвести меня на вершину горы. Именно оттуда нужно запустать посланника.

– Как блуждающий огонек сообщит моим людям, что нужно делать? – поинтересовалась я, испытывая небывалый прилив сил и надежды.

– Мои огни – мои глаза, а не рот. Вы будете направлять меня, а я отправлю его к печи или камину. Своим жаром он и откроет огненный коридор.

На миг у меня перехватило дыхание. Глаза Закира – его огни! Он не слеп! Так вот почему он так спокоен и умиротворен. Закир знает обо всем, что происходит в пещере. Потому, наверное, блуждающие огни освещают общие коридоры и тронный зал, а в комнатках горят только свечи. Поразительно!

– Я сумею в одиночку привести огонек в Вароссу, но в городе вам придется направлять меня. Я ни разу там не бывал, – обратился ко мне Закир, и я с готовностью закивала. Все, что угодно, лишь бы спасти своих солдат от убийц, которым под силу прятаться в тени своих плащей.

– Сколько времени вам понадобится? – спросила я.

– Думаю, завтрашней ночью я приведу огонь в Вароссу. Тогда же будьте готовы выдвигаться.

На лице Закира отразилась торжественная решимость. Он был горд тем, как важен его дар для нас с Мансуром. Изуродованные коварной магией люди как никто нуждались в добрых словах и признании. Это понимал и Мансур. Он дружелюбно похлопал Закира по плечу и произнес:

– Я велю Джару отнести тебя на вершину.

– Я сама могу отвести своего сына, – вновь вмешалась Сурия, но примолкла под строгим взглядом Мансура. Когда он смотрел вот так, я узнавала в нем себя. Михель говорил, что у меня тяжелый взгляд. Теперь я поняла насколько.

– Амаль, отправляйся к матери. И позови с собой Иглу. Нам нужно обсудить следующие шаги, – приказал мне Мансур, прежде чем вывести Закира за дверь.

– Иглу?

– Она отправится с тобой в Адрам и станет твоей защитой.

* * *

Стук под моими пальцами прозвучал слишком оглушающе. Все чувства казались обнаженными, словно вырванный из ножен кинжал, а разум метался. После долгого совета Мансур приказал мне отдохнуть до вечера, но мерить шагами каморку, как и прожигать взглядом стену, было невыносимо.

Почти всю ночь мы провели в зале совета, где я познакомилась с ближайшим соратником новоявленного отца – довольно привлекательным мужчиной по имени Исар. Он выглядел на несколько лет старше Беркута, из уродств обладал разве что абсолютно седыми волосами и белесой кожей, держался весьма уверенно и даже самодовольно. Исар стал первым волхатом, которого отыскал Мансур больше десятилетия назад, и потому считался его главным советником. Эрдэнэ неожиданно оказался вторым советником. За шесть лет ему удалось завоевать доверие, которого не удостоились другие волхаты. Если Эрдэнэ выглядел едва ли старше двадцати пяти, то в каком же возрасте присоединился к Мансуру? И как сумел забраться так высоко в этой иерархии отверженных?

За обсуждением зыбкого плана мы провели не меньше трех часов, за которые я успела узнать, от чьих же рук пострадал Эрдэнэ. Он напал на навиров, явившихся к сожженному самим хозяином дому Мансура, но чуть не пал от их рук. Приспешники моего новоявленного отца открыли охоту на продажных императорских псин, и меня это не должно было волновать, но почему-то волновало. Успел ли предатель покинуть корпус навиров?

Действие благословенных капель давно сошло на нет. Я вновь погрузилась во тьму, и рука то и дело упрямо тянулась к потайному карману на рубахе, где ждал своего часа пузырек с настойкой. Мансур дал мне большой запас, приказав пить до тех пор, пока разум не залечит раны. Вместе с каплями он вручил и пузырек с туманящим снадобьем на тот случай, если мне вновь придется столкнуться с навирями. Мансур признался, что пил его при каждом обыске, и шавки императора ни разу не сумели вытянуть из его сознания ничего внятного о тех, кого искали.

«Вокруг Ак-Сарина крутятся навирь, и тебе следует быть начеку. Пей этот отвар при малейшей опасности, но будь осторожна – он пьянит сильнее любого вина. Императорские

шавки коварны, они способны допросить тебя хитростью. Ничто не мешает им подослать к тебе чтеца тела под видом служанки», – напутствовал он, вручая мне пузырек.

Когда метаться по каморке не осталось сил, я выскочила за дверь, словно могла скрыться от демонов, когтями изодравших всю душу. Бежать от них было некуда, и я сделала то, чего не сумела объяснить и самой себе, – постучала в дверь Эрдэнэ. Сегодня мне несколько раз слышался его смех, значит, повелитель трупов жив и даже в состоянии зубоскалить.

Почему он? Да потому что язвительными речами второй советник Мансура сумел бы заговорить моих демонов. Если уж быть совсем честной, Эрдэнэ – единственный обитатель пещеры, с кем мне хотелось бы поговорить перед отбытием в Вароссу.

– Войдите, – раздался из-за двери тягучий, мягкий голос.

Я помялась, бодаясь с собственной нерешительностью, но все же толкнула дверь.

– Достопочтенный каан, какая приятная неожиданность! – с притворным благоговением воскликнул Эрдэнэ.

На его бледном лице с глубокими тенями под раскосыми глазами и вправду проступило изумление. Эрдэнэ даже провел по растрепанным волосам перевязанной рукой в заранее провальной попытке их пригладить.

– Через пару часов мы отбываем в Вароссу. Я решила удостовериться, что вы идете на поправку, – напустив на себя важный вид, произнесла я.

В комнате витал настойчивый аромат благовоний, источаемый изящной глиняной курильницей с фигуркой дракона на крышке. Из множества запахов мой чуткий нос уловил бергамот, нотки хвои, мяты и даже жасмина, отчего в груди расплозлась тоска по недавнему прошлому, когда почти каждую ночь я наслаждалась благоуханием любимых эфирных масел и спокойно засыпала.

Комната Эрдэнэ наверняка хорошо проветривалась, иначе запах благовоний напоминал бы удавку вокруг шеи, но вместо этого ощущался приятным и успокаивающим. Пять трепетавших в витом канделябре свечей отбрасывали узорчатые тени на известняковые стены, терялись в черном балдахине и алом полотне, небрежно наброшенном на кресло.

Грудь и руки Эрдэнэ перетягивали тканевые повязки, но поверх них он накинул знакомый мне шелковый халат. При виде меня второй советник Мансура запахло его, отчего я усмехнулась краешком губ. Неужели надоело смущать достопочтенного каана?

– Мне очень лестно ваше внимание, каан. Оно дорогого стоит. Я-то подумал, что снова явилась Игла. Она пичкает меня просто невероятным количеством лекарств! В меня столько не влезает, но упрямой девчонке плевать.

Не дожидаясь приглашения, я опустилась в мягкое кресло. Обитель Эрдэнэ выглядела отголоском прошлой жизни, полной роскоши, красоты и удобства. С рождения и до недавнего времени я жила в красивых домах, спала на удобных кроватях, ступала по дорогим нашадским коврам, одевалась в шелка, парчу и бархат, ела вкусную еду. Теперь же пещера дышала мне в лицо прохладой и сыростью, вызывая в груди гулкий сухой кашель. Но в этой комнате, пахнувшей кисло-свежим дымом благовоний, я наконец смогла глубоко вдохнуть и дать спине расслабиться на спинке кресла.

Эрдэнэ проследил взглядом за моими скованными движениями и ухмыльнулся.

– Как посмотрю, вы настроены поболтать, каан.

– Не называйте меня так. Кому, как не вам, известно, что это не более чем слово, – отрезала я.

От моей просьбы ухмылка Эрдэнэ расплозлась шире.

– Вы не разочаровываете меня, Амаль. Я рад, что мои выводы о вас верны.

– И что за выводы, позвольте поинтересоваться? – изумилась я.

– Вам не нужна власть ради власти. Вы согласились на роль каана по своим причинам, но возвышение во главе нового государства – не одна из них.

Я уставилась на Эрдэнэ тяжелым взглядом – точно как Мансур вчера сурово уставился на Сурию. Однако его второй советник остался непоколебим и ни капли не стушевался.

– Вы упоминали, что наблюдали за мной шесть лет, – вспомнила я.

– Это правда. Шесть лет назад я присоединился к Мансуру и тогда же вместе с ним впервые отправился в Вароссу. Помню, словно вчера, как высокая нескладная девица, одетая в вычурный национальный костюм, верхом на вороном коне инспектировала городские улицы. Народ неодобрительно на вас косился, кто-то фыркал и даже в открытую смеялся, но вы оставались невозмутимы.

Только благодаря Беркуту и солдатам. Я держалась ради них и собственной гордыни, но за закрытой дверью спальни была раненой волчицей и бросала в стену все, что подворачивалось под руку. Сколько невинных ваз, графинов, пиал и кофейных чашек пострадало, пока я не научилась справляться со своей яростью, не перечесть! Тогда и пришли в мою жизнь эфирные масла, да так и остались в ней постоянными жителями.

– Вы, будучи несмышленной сломленной девчонкой, боролись с пренебрежением горожан, вступи ли в молчаливую войну с советниками, подминали под себя крупных ремесленников и купцов, требуя с них налоги, – продолжил Эрдэнэ. – Ради спокойствия людей вы со своим отрядом сумели справиться с бандой разбойников и не побоялись запятнать руки кровью. Тогда-то, наблюдая публичную казнь главаря банды, я уверился, что на вас следует поставить.

Я поехала, стараясь подавить колючую тоску, которая наполнила грудь шипами роз, что росли на пестрых клумбах Вароссы. Михель всадил кинжал в сердце главаря разбойников, пока я величественно и равнодушно возвышалась рядом, а позже блевала за одним из деревьев. Даже тогда друг прикрывал меня своим плащом, на который попали капли крови казненного злодея, отчего меня выворачивало еще сильнее. Сколько же воспоминаний нас связывало! И в этих воспоминаниях, как выяснилось, присутствовали и другие – незримые для наших глаз – люди.

– Надеюсь, вы оценили мой подарок после казни разбойника?

Я непонимающе воззрилась на Эрдэнэ, а тот, по всей видимости, испытывал искреннее удовольствие, мучая меня неизвестностью.

– О-о-о, Амаль, как вы могли забыть? Мой подарок еще долго обсуждала вся Варосса. Надо же, двух достопочтенных господ прямо у Нечистого леса загрызла нечисть.

Я ахнула, прикрыв рот.

– Горожане считали, что их смерть – моих рук дело! – Я невольно перешла на крик, и он отразился от стен.

– Уверен, вас не расстроили столь глупые слухи. Двое ублюдков замыслили беспорядки и восстание горожан. Они наивно надеялись, будто воевода снимет вас. Как же не хотелось господам делиться денежками! Ваш бывший советник и его подельник казначей в свое время освободили их от податей, а тут явилась молоденькая девчонка с требованием пополнить казну и повысить жалованье рабочим. Этого они стерпеть не смогли. В общем, моим девочкам не составило труда разобраться с неблагодарными свиньями.

Я закрыла лицо руками, нервно посмеиваясь над злой иронией произошедшего. Кто бы мог подумать, что меня защищал не только отряд солдат, но и отряд «девочек» Эрдэнэ!

– Спасибо за подарок. Эти двое и вправду слишком зарвались, – наконец выдавила я.

– Всегда рад помочь, Амаль. Только скажите.

Вот она – возможность спросить о том, что мучило меня уже вторые сутки.

– Эрдэнэ, расскажите, откуда у вас власть над трупами?

Советник Мансура усмехнулся и откинулся на подушку.

– Я властен не над трупами, а над затерявшимися душами. Мне под силу вернуть их в наш мир, но для возвращения душам нужны сосуды. Ими и становятся тела истощенных живых людей.

– Истощенных?

– Умалишенных или больных, замученных и отчаявшихся. Чем слабее дух, тем проще занять тело заблудшей душе.

– И тогда они становятся монстрами?

– Не сразу, – покачал головой Эрдэнэ. – В живые трупы они превращаются через несколько месяцев. До этого времени в телах теплится жизнь, но с каждым днем утекает, капля за каплей.

Я задумалась на несколько мгновений, пораженная внезапной способностью Эрдэнэ. Нечеловеческой способностью.

– Вам под силу найти душу в царстве Творца? – Внутри вдруг зародилась бешеная надежда. Если бы удалось сказать Михелю хоть пару словечек... хотя бы попрощаться...

– Нет, туда мне хода нет. Я способен отыскать душу, что заблудилась между мирами. Это люди, которых не сожгли и не похоронили как подобает, или же умершие воистину жестокой смертью.

– Я... – просипела я, и слова застряли в горле.

– Я догадываюсь, о чем вы хотели спросить. – Мягкий голос Эрдэнэ теперь и вовсе сочился медом. – Тело вашего друга сожгли по обычаю Нарама. Его душа упокоилась в огне и обрела дом в обители мертвых, которую вы зовете царством Творца. Вам уже не удастся его отыскать. Да и не нужно. Сохраните этого человека в своей памяти, но не тяните обратно.

Я почувствовала, как предательски перехватило дыхание. Нет, только не здесь! Только не при Эрдэнэ!

Как мне отпустить Михеля? Как отпустить свое горе? Как забыть о голодном пламени, сожравшем тело Арлана?

Я зажала рот обеими руками и крепко зажмурилась, уговаривая себя успокоиться, но оказалась бессильна перед бурей, вызванной словами Эрдэнэ. Из горла рвался бешеный полувой-полукашель, он искал выхода и бился о крепко сомкнутые губы.

– Амаль, – позвал Эрдэнэ, но я лишь замотала головой, мысленно умоляя его сделать вид, будто ничего не случилось. Достопочтенный каан не плачет при человеке, которого знает всего два дня. Нет, ему привиделось.

Совсем рядом раздалось кряхтение. Тихие шаги сопровождал едва слышимый шорох ткани.

Эрдэнэ присел передо мной на корточки, поморщившись от боли в затягивающихся ранах. Затуманенными от слез глазами я смотрела на него и продолжала зажимать рот, сотрясаясь всем телом. Эрдэнэ взял мои руки в свои теплые ладони и отнял их ото рта. С обретших свободу губ сию же секунду сорвался громкий всхлип, из-за чего в горле запершило, и я согнулась в приступе истеричного кашля.

– Плачьте, Амаль. Плачьте, чтобы справиться со своим горем. Вам не нужны капли, чтобы совладать с собой. Достаточно лишь понять, что мертвых не нужно держать, ведь их путь разошелся с вашим. Наши родные живы, пока мы о них помним. Это закон мироздания, непреложная истина, ответ на главный вопрос бытия. Плачьте и обретайте силу благодаря собственной стойкости и воле, а не настойке Мансура.

Эрдэнэ взирал на меня со спокойствием умудренного годами старца, и в его черных глазах действительно отражалась мудрость прожитых лет. Красивое лицо осталось спокойным и серьезным. Эрдэнэ не жалел меня. Он учил меня жить эту жизнь.

Его изящные руки все еще сжимали мои холодные ладони. Совсем недавно под моей кожей бушевало пламя, теперь же холод поселился не только в сердце, но и на кончиках пальцев.

– Не позволяйте горю сделать вас слабой и безвольной. Мансур возлагает на вас большие надежды, да и ваш отряд сейчас нуждается в вожаке. Вы достаточно сильны, чтобы спра-

виться с сорока нарамскими мужчинами, но только если вернете себе дух и нрав той Амаль, за которой я наблюдал шесть лет. Если продолжите плакать и жалеть себя, никогда никого не спасете, – добавил он, и каждое произнесенное тихо и вкрадчиво слово вдруг прозвучало для меня насмешкой. Эрдэнэ мягко, но безжалостно вlepил мне пощечину. А мне... мне следовало успокоиться. Я была нужна своему отряду. Я стала ведьмой, о которой в Нараме не слышали лишь глухие и блаженные. Я... чувствовала, что без капель не справлюсь.

Горе погребло под собой всю силу, которой я обладала. Кипящая кровь остыла, ярость сменилась бессилием. Всё, к чему я стремилась сейчас, – спасти своих солдат и спастись самой. Спасти, чтобы однажды отомстить Айдану.

«Пока мы не тронем нового воеводу – он должен править Нарамом. Если убьем его сейчас, император отзовет согласие на ваш брак с Ак-Сарином, и ты будешь вынуждена выйти замуж за кого-то другого, чтобы занять место Айдана. Сейчас ты нужна нам в Мирее», – сказал мне Мансур на совете, когда я заикнулась о смерти Айдана.

Всего-то требовалось дожить до момента, когда глаза неродного старшего брата закроются навеки. И я решила дожить без поучений Эрдэнэ.

Очередной задушенный всхлип встал поперек горла. Я вонзила полный злых слез взгляд в Эрдэнэ, но тому было плевать. И это спокойствие в глазах повелителя трупов лишь подбросило хвороста в разгорающийся костер моего гнева.

– Кто вам сказал, что я жалею себя?! Кто сказал, что я слабая?! – Мой голос вдруг стал зычным и властным, отразился от стен и огрел меня саму по ушам.

Эрдэнэ усмехнулся краешком губ и как ни в чем не бывало ответил:

– Если женщина, от которой зависят десятки чужих жизней, льет слезы и послушно держится за спинами других, разве можно назвать ее сильной?

Зубы жалобно заскрипели и, кажется, даже взмолились о пощаде, так крепко я их сжала. Этот длинноволосый ублюдок швырял мне в лицо слова, которые вовеки не осмелился бы произнести, будь моя магия свободна от цепей! Разве мог он понять, что за мгла клубилась в моей душе?

– Не смей говорить со мной в таком тоне! – рявкнула я, вызвав лишь снисходительную улыбку.

– Устрашающе, но не настолько, чтобы я испугался.

Я вскочила на ноги, позабыв и об уюте, в который здесь окунулась, и о слезах, так предательски унизивших меня перед советником Мансура.

– Да как ты смеешь?!

– Амаль! – Громкий стук в дверь и требовательный голос Иглы раздались так внезапно, что я вздрогнула и невольно замолчала. – Амаль, открывай сейчас же! Огонь Закира добрался до Вароссы! Открывай!

Она с силой колотила в дверь по соседству, и та грохотала так, будто Игла ломилась в комнату Эрдэнэ. Тот указал мне на дверь, лениво поведя рукой, и произнес:

– Мне нравится видеть в вас злость, а не бессилие. Хотел бы я сказать, что жду возвращения прежней Амаль Кахир, но это было бы ложью. Я жду Амаль Мансур – взрослую женщину, достойную стать правительницей Нарамы. Пока что передо мной потерянная девочка, пусть и с огненным нравом.

– Куда же ты подевалась, нечисть тебя сожри?! – продолжала голосить Игла.

Я обогнула Эрдэнэ, не сказав ему больше ни слова, и распахнула дверь. За моей спиной послышался шорох постельного белья – хозяин комнаты вновь опустился на кровать.

Измученный взгляд Иглы сковал мое тело раскаленной цепью, словно бы оставив на коже следы ожога.

– Почему ты здесь? – отрывисто поинтересовалась она.

Презрительно фыркнув, я проигнорировала вопрос. Не хватало еще отчитываться перед заносчивой ученицей Мансура! Вместо этого я оглянулась на дверь и с глупым упрямством выудила из кармана рубахи пузырек с каплями. Еще пару минут, и ко мне вернется способность трезво мыслить. Пара минут, и я перестану быть слабой девчонкой, послушно прячущейся за чужими спинами.

– Показывай дорогу! – велела я, на что Игла злобно рыкнула:

– Достопочтенный каан, сделайте милость, возьмите с собой вещи и захватите своего солдата. Мы отправимся в Вароссу прямо с вершины.

Много времени на сборы не понадобилось. Вскоре наша процессия из четырех человек – меня, Данира, Мауры и Иглы – достигла вершины, до которой не дотянулись даже вековые тисы. Там нас ждали Мансур и погруженный в себя Закир. Рядом полыхал костер, и его искрящиеся языки рвались в звездное небо, словно норовили лизнуть его. Ночной воздух окутывал нас прохладой второго месяца осени – листобая. После сырой пещеры продуваемая порывистыми ветрами вершина казалась сказочной, будто и не существовало на свете ничего, кроме макушек деревьев внизу и трепещущего пламени рядом.

– Амаль, подойди и проводи Закира до поместья, – вкрадчиво проговорил Мансур.

Я приблизилась к волхату и опустилась на колени рядом с ним. Он сидел на расшитой пестрыми узорами подушке, подмяв под себя ноги и сцепив руки в замок. Этим замком Закир и вел свой огонек, отклоняя его то вправо, то влево, то вверх, то вниз.

– Где вы? – спросила я, наблюдая за уставшим лицом волхата. Он не спал сутки, и наверняка Сурия жаждала удавить голыми руками не только меня, но и Мансура.

– Перелетел ворота Вароссы. Меня чудом не засекли солдаты. Их много.

– Хм... обычно ворота стерегут четверо, – отозвалась я.

– Сейчас их намного больше – человек двадцать. Рассредоточились вдоль стены.

– Двигайтесь вперед по широкой улице, не сворачивая. Вам попадутся три внутренние стены с большими воротами. Это значит, что вы на верном пути.

Внимая моим словам, Закир вел сгусток огня. Когда преодолел центральную площадь и уперся в ворота поместья, он процедил:

– Ваше поместье окружили солдаты империи. Они держатся непринужденно, словно попали на свои места случайно.

Я переглянулась с Маурой, и с губ слетело короткое: «*Шурьим²*». Похоже, незамеченными прорваться к Нечистому лесу не выйдет. Меня принуждали к бою.

Закир повел сцепленными руками вверх, наверняка направляя сгусток огня прочь от внимательных глаз имперских солдат. Я заскользила взглядом по ущелью далеко внизу, которое в неверном свете убывающей луны представлялось черной бездной, по далеким вершинам гор, одна из которых походила на ладонь человека с четырьмя пальцами.

В детстве няня множество раз рассказывала мне легенду об Ущелье призраков и Горе кузнецов. В древности на вершине этой самой горы поселились кочевники, покоровшие горных духов-защитников и осевшие на месте теперешнего Нарама. Они отвоевали приглянувшиеся земли у земледельцев и пастухов, заключив их в рабские кандалы. На горе трудилось великое множество полуживых от тяжелой работы пленников. Они ковали оружие для захвата новых земель. И столько людей погибло от рабского труда, что гора напиталась их горем, болью и затаенной злобой. Тогда и рассердился Творец. Гора задрожала и поглотила завоевателей, которые топтали ее вершину. Они пытались выбраться, но коварный известняк был нерушим. Так и замерли их лики в камне, как и рука, что в надежде тянулась к небу. С тех пор это место называли Ущельем призраков, и при свете дня на скалах и вправду проступали смутные очертания человеческих лиц.

---

² Бес (перевод со старонарамского).

Волхатов называли потомками тех самых завоевателей. Лишь одному Творцу известно, не смотрела ли я сейчас на окаменевшую конечность кого-нибудь из своих предков. Если кочевники завоевали эти земли, если волхаты создали на ней целое государство – гордый и устрашающий Нарам, то нам ли трусить перед лицом империи?

– Я на большой площади в поместье, каан, – возвестил Закир.

– Это плац, а не площадь, – возразила я, представив гримасу Беркута, услышь он, как оскорбили место, где солдаты годами стаптывали подошвы ботинок и сапог.

– Куда лететь? – Похоже, слепой волхат даже не обратил внимания на мое замечание.

– Следуйте к солдатскому корпусу – он справа от дома с четырьмя башнями. На первом этаже, в общей комнате, сложен большой камин. Вечера сейчас прохладные, думаю, прислуга уже топит его.

Мне и самой хотелось верить в свои слова. Истопник ведь мог попросту разжечь расположенную в подвале печь, тепло от которой расходилось во все солдатские кубрики, но из нее нам никак не удалось бы выбраться. Нет, было еще слишком тепло, чтобы использовать большую печь. Должно же мне повезти хотя бы в такой мелочи.

Прошла еще пара минут, прежде чем сгусток огня достиг солдатского корпуса. Я провела его к комнате отдыха, мимоходом улыбнувшись от искренней похвалы Закира, впечатленного фресками на стенах холла. Это он еще мой дом не видел! Хотя нет, Амаль, дом уже тебе не принадлежит, и фрески эти достанутся следующему наместнику.

– Здесь кто-то есть, – настороженно произнес Закир. – Молодой мужчина в коричневых штанах и рубахе уснул в кресле с кипой бумаг.

Наверняка Ансар. Он и при жизни Беркута вынужденно занимался документами, ведь в цифрах Михель понимал чуть лучше своего Мора. Сейчас же бремя заботы о содержании отряда целиком легло на плечи Ансара.

– Камин почти потух, – продолжил Закир.

– Так зажгите его, – приказала я, но одернула себя и смягчилась.

Еще несколько минут потребовалось сгустку огня, чтобы разжечь камин.

Когда Закир объявил, что со своей задачей справился, и развеял огонек в языках пламени, Мансур плеснул в костер свою кровь из приготовленной заранее склянки. Огонь взметнулся в неистовой пляске, затрещал и заискрил. Мне уже приходилось видеть, как он приходит в бешенство, открывая коридор. В ночь, когда сожгли Зеленый особняк.

Мансур убедился, что мы взяли с собой все необходимое для длительного побега, коротко обнял Мауру, потрепал по макушке беззлобно фыркнувшую Иглу и в нерешительности остановился в шаге от меня.

– Обнимешь отца, Амаль?

– Надеюсь, в нашу следующую встречу я смогу назвать вас своим отцом. Тогда и обнимемся, – отрезала я и смело шагнула в огонь, напоследок прошептав Закиру: «Спасибо». На его тонких потрескавшихся губах расцвела счастливая улыбка.

– *Тэлэ сэфар, мин киён*³, – донесся до меня голос Мансура. Я плохо, очень плохо знала старонарамский язык и потому не поняла ни слова. Язык павшего два века назад государства остался с нами в ругательствах, но не в словах любви. Насмешка над народом некогда великого Нарам. Почему никогда раньше меня это не волновало?

Не обернувшись, я ступила в костер. Коридор огня встретил знакомым жаром, пробрался под кожу и выступил каплями пота. Обернувшись, я убедилась, что мои спутники шли следом. Маура, как всегда величественная и гордая, Игла, дерзкая и самоуверенная, и Данир, храбрый, но растерянный. И я, та, кому следовало быть сильнее всех.

---

³ Счастливого пути, моя кровь (перевод со старонарамского).

Пылающий коридор тянулся и тянулся под нашими ногами. Он получился куда длиннее того, по которому мы с Маурой незамеченными сбежали на городское кладбище.

Наконец вдалеке показалась черная точка. Варосса! Я ускорила шаг и почти сорвалась на бег, только бы скорее вернуться к людям, чьи жизни сейчас зависели от меня и моей скорости.

Вскоре точка разрослась до топки камина. Я вывалилась на каменный пол, содрав кожу на ладонях, и зашипела от боли. На меня упал Данир, отчего мы оба вскрикнули. Маура с Иглой чинно шагнули из камина, даже не пошатнувшись.

Спящий Ансар вздрогнул от нашей возни и проснулся. Его темные глаза в обрамлении невероятно длинных ресниц расширились, словно вот-вот лопнут от изумления.

– Амаль Кахир! Вы на свободе?! – воскликнул он, окидывая взглядом нашу неожиданную компанию.

Глаза Ансара расширились еще сильнее, стоило ему увидеть Мауру.

– Что... как... а где остальные? – пробормотал он и даже потряс головой, словно отгоняя призрак моей давно умершей матери. Однако та никуда не делась и взирала на Ансара со снисходительной ухмылкой.

– Они... – Я запнулась, но собралась с силами, чтобы ответить: – Погибли.

– Их сожгли люди нового воеводы. Если продолжим пялиться друг на друга и болтать, то все вместе последуем за ними, – перебила меня Игла.

Мой гневный взгляд не произвел на нее впечатления. Как она посмела перебить меня?!

– Погибли? – опешил Ансар.

– Да. Мы с Даниром выжили лишь чудом. Айдан отправил в Вароссу солдат, чтобы убить вас, и они уже на полпути. Я пришла, чтобы увести вас за собой.

За окном стучал осенний дождь, выбивая из меня надежду и волю. Ансар удрученно молчал, теребя в руках бумагу, с которой и заснул.

– Когда пришла весть о смерти воеводы, поместье тут же окружила дружина. Комендант – еще одна продажная псина, надо было и его утопить – словно взбесился. Усилил патрули, увеличил число привратников, приставил надзирателей к поместью. Они караулят нас, а за прислугой, которая выходит в город, следуют коршунами. Нам так просто не уйти от них.

– Значит, уйдем с боем, – процедила Игла, и я впервые с ней согласилась.

Глава 4. Вожак

Амаль

Сорок членов отряда собрались в обеденном зале, облачившись в полное обмундирование, и каждый слушал меня так внимательно, словно стремился запомнить слова наизусть. Ансар задумчиво прожигал взглядом свои ладони, но, судя по всему, не видел даже их. Я рассказала все: о падении кадара и убийстве Беркута, о сожжении Арлана и заточении в подвале корпуса навиров, о зверстве псин Айдана и пещере волхатов, о новом Нараме, своем противоречивом отношении к плану Мансура и поспешном бегстве по коридору огня. Никогда прежде мне не приходилось так откровенничать с солдатами. Благо, Данир проводил Иглу с Маурой в мою спальню, и они в разговоре не участвовали.

Солдаты скорбели по жестоко убитым братьям, как и я. Новость о смерти командира прилетела к ним с беркутом Михеля еще четыре дня назад. Отряд сумел принять эту новость и выдвинуть Ансара на опустевшее место. Кому еще, если не ему, ближайшему соратнику и преданному помощнику, принять бразды правления? Я же принесла новость страшнее. Но сегодня мы не могли позволить себе раскиснуть и скулить побитыми псами.

– Я пойму и приму ваше решение уйти. Грядущая война моя, но не ваша. Я не буду принуждать оставаться со мной и следовать в Адрам. За воротами Вароссы каждый из вас волен покинуть меня и отправиться туда, куда зовет сердце, – закончила я, и мой взгляд помимо воли скользнул по лицам солдат в отчаянной попытке узреть их намерения в едва заметных изгибах губ или прищурах глаз.

– На спину каждого из нас навсегда нанесен символ отряда. Пусть нас уже не пятьдесят, как на рисунке, но память об убитых братьях будет жить десятилетиями. Так и останется впредь, – заявил Ансар, не посмотрев ни на кого из солдат. Он был уверен во всех до единого, и не ошибся. Каждый из оставшихся тридцати девяти мужчин с готовностью кивнул, и обеденный зал наполнился ободряющими возгласами.

– Амаль Кахир, мы всегда за вас! Вы же знаете! Беркут собрал нас, чтобы защищать вас! После его смерти мы должны продолжить общее дело! – выкрикнул коренастый мужчина по имени Наим.

– Амаль Кахир – наш каан! Ну же, братцы, вы согласны?! – подхватил жилистый парнишка с голубыми глазами, сияющими на смуглой коже, словно две льдинки. Кажется, его звали Туган.

Солдаты одобрительно взревели, будто бы силясь своими возгласами отогнать горе, саваном опустившееся на обеденный зал. Они стремились к новой жизни, новому началу, в котором нет места смерти. И с моего сердца, опутанного негой капель Мансура, упали тяжелые цепи. Мои люди были со мной, а у других не останется выхода, кроме как покориться умалишенной байстрючке воеводы, за спиной которой раскинутся кожистые крылья Аждархи.

Спустя четверть часа я в сопровождении Данира ворвалась в свою спальню, которую уже по-хозяйски разворошили Игла и Маура. Остальные солдаты отправились набивать вещевые мешки, опустошать запасы кухни и седлать коней. Мы не могли позволить себе вывести всех лошадей, оттого решили взять четверых – для тех, кто помчится вперед, к горной гряде, отделяющей Нарам от Миреи. Остальные же схоронятся в Нечистом лесу, если позволит Шурале. Впрочем, благосклонность хозяина леса была задачей Мауры. Для этого Мансур и отправил ее с нами.

Дом мирно спал, в каждом уголке клубилась ночная мгла, разрываемая масляными лампами и подсвечниками. Нам с Даниром не встретилось ни единой живой души. У знакомых резных дверей я на миг замерла, охваченная тяжелыми воспоминаниями. Словно наяву передо мной возникла частица демона, пронзившая живот предателя, кровь, сочащаяся сквозь его пальцы, до носа долетела трупная вонь, а щеки, казалось, вновь намокли от слез. Я плакала над человеком, не заслуживающим ни прощения, ни снисхождения, гладила красивое лицо и хваталась за его окровавленную руку, словно за последний столп, на котором держался этот чудовищный мир. Наивная дура!

Данир остался за дверью, а я нарушила уединение Мауры и Иглы. Они как раз рассматривали баночки со снадобьями Гаяна, придирчиво отбирая нужные.

– Хватит воротить нос! Бери все. Вот простынет кто-нибудь под этим ледяным дождем, чем лечить будешь: травкой или ягодками? – бурчала Игла, запихивая в мешок отвергнутые Маурой склянки.

– А ты мне на кой бес тогда сдалась? – фыркнула мать. – Если б не твой целительский талант, не видать бы тебе места рядом с Амаль, как ни выслуживайся перед Мансуром.

Я нарочито громко кашлянула, заметив выпотрошенный комод. Чей-то любопытный нос уже побывал в моем белье! Маура хмыкнула и гордо направилась к потайной комнатке, где хранились мои наряды. Любопытный нос наверняка принадлежал именно ей.

– Нам нужны теплые вещи. Да и тебе не помешает взять несколько красивых нарядов. Ты же не нищенка, – пояснила мать и исчезла в недрах моей сокровищницы, откуда через пару мгновений донесся ее приказ: – Собери свои украшения. Все, до единого колечка. И все деньги, какие только есть, они понадобятся по пути в Адрам. Мясо крестьяне бесплатно не отдают, да и в трактирах бесплатно не кормят.

Я буркнула короткое «угу» и посмотрела на Иглу, все еще вертящую в руках баночки со снадобьями.

– Ты обладаешь даром целительства?

Ученица Мансура кивнула, не поднимая глаз.

– Ты и вправду полезна.

Услышав эти слова, Игла уставилась на меня с яростью сотни голодных демонов.

– Зато ты абсолютно бесполезна! – Мерзавка кивнула на мою левую руку, скованную браслетом тишины.

– Впервые с тобой согласна. – Моя спокойная усмешка заставила Иглу удивленно вскинуть брови. – Даже не будь на мне браслета, ты с легкостью могла бы потушить мое пламя тенью, как это делал...

Я осеклась, больно прикусив язык. Не смей даже вспоминать!

Игла вновь растянула губы в недоброй ухмылке и поинтересовалась:

– Как это делал тот кудрет⁴, что с легкостью тебя одурачил?

Если бы не капли, я бы бросилась на нее с кулаками и отпинала от всей своей широкой души!

– Если надеешься задеть меня побольнее, не трать время понапрасну. Даже Мауре это не под силу, а ты, уж прости, пока не годишься ей даже в подметки.

Моя широкая улыбка застыла, стоило Игле фыркнуть и сообщить:

– Эрдэнэ упоминал, что его чуть не сжег навир с даром кудрета. Правда, сам говнюк мог и не выжить. Похоже, половина их небольшого отряда погибла от рук девочек Эрдэнэ, а бедняжка-кудрет вложил так много сил в ответный удар, что трупом свалился на землю. Ты знала, что он умрет, если отдаст слишком много? Искренне на это надеюсь.

– Жаль, что девочки Эрдэнэ не добились весь их отряд, – процедила я, усмиряя дыхание.

Дурное предчувствие преодолело магию капель Ман-сура, отозвавшись тупым беспокойством где-то в груди. Жив ли предатель? Неужели лихоморы и вправду могут умереть, потеряв слишком много сил? И почему меня это волновало?

– Надо же, как холодно ты говоришь о том, на ком так унижительно повисла в ту ночь! – Каждое слово Иглы припечатывало меня к полу, словно подошвы ее потрепанных сапог. – Какой же нужно быть дурой, чтобы не заметить форму навира на ублюдке, к которому прижимаешься!

Нет, ярость не вспыхнула во мне черным пламенем, как обычно бывало. Сознание осталось ясным, а голова – трезвой. Я сделала два широких шага, притворившись, будто тянусь к одной из баночек. Сама же правой рукой схватила растерявшуюся Иглу за горло и сжала его так, чтобы оставить синяки.

Мерзавка не смела дерзить дочери своего учителя! И это была не злость, а удар на опережение. Если спустить с рук столь унижительные слова, то вскоре получу не только плевок в лицо, но и нож в спину от завистницы, решившей, будто я недостойна дарованных Мансуром почестей.

Воспользовавшись секундной оторопью Иглы, я повалила ее на кровать и наступила коленом на живот. Паршивка взвыла раненым зверем и отчаянно дернулась, отчего мои пальцы на тонкой шее сжались еще крепче.

– Никогда не смей дерзить мне и не забывайся, – прошипела я. – Помни, кто ты, а кто...

Мы почти не отличались в росте и комплекции и, пожалуй, даже в силе, но я оказалась проворней, а Игла... Игла была лихомором. Слизкие тени оплели мое тело холодными путами, сдавили грудь и заткнули рот, не позволив закончить. Игла спихнула меня со своего тела, отчего я кулем свалилась рядом. Жалобно звякнули бутылочки с настойками Гаяна. Парочка даже разбилась.

– Я помню, кто ты. Мансур с Маурой никогда не давали мне об этом забыть, – процедила Игла, склонившись так низко, что я уловила ее дыхание. – Меня растили на подмогу тебе, великая Амаль. Я ненавижу тебя всей душой и помогаю только потому, что благодарна Мансуре за кров и за науку. Он видит в тебе надежду, а я вижу только неженку, которой, кроме как своим огнем, и похвастаться-то нечем. Все за тебя делали солдаты, Маура и Мансур. А сама ты чего стоишь? Ни-че-го.

– Вы закончили выплескивать свои обиды?

Нарочито спокойный голос матери прозвучал так неожиданно, что Игла вздрогнула и отпрянула. Тени опали и растворились в полутьме комнаты. Я вновь обрела способность дышать.

---

⁴ Название лихоморов в старонарамском языке.

Уничжительно глядя на нас, Маура держала в руках ворох одежды. Казалось, всего одно неосторожное слово – и земля под домом разверзнется от ее ярости. Я вдруг ощутила себя песчинкой перед лицом надвигающейся бури. Наверняка Игла чувствовала то же.

– Похоже, вы запамятовали, зачем мы сюда пришли и куда направляемся, – продолжила Маура, и в голосе ее собиралась гроза. – Можете сами выйти к солдатам империи и сдаться на милость Айдана. Зачем устраивать возню, если она вам неинтересна?

Не дожидаясь дальнейших нотаций, мы с Иглой отпрянули друг от друга и разошлись по разным углам. Я приступила к сборам, со стыдом и отчаянием понимая, сколько времени потрачено на бесполезные ссоры обиженных женщин.

Вскоре мешки ломились от вещей, и мы покинули спальню, шесть лет служившую мне надежным укрытием от горестей и бед. Уже на пороге я с грустью обернулась и окинула убранство комнаты последним взглядом. Больше мне сюда не вернуться.

Оставив за спиной Мауру и Иглу, мы с Даниром поспешили к конюшне, под крышей которой жили семеро беркутов. Без своего хозяина гордые птицы, родившиеся на воле, остались узниками в чужом, враждебном доме. Я поднялась по хлипкой стремянке на чердак, и меня встретил шум гневно расправленных крыльев. Птицы ждали Михеля, но отныне нам суждено учиться жить без него. Они наблюдали за мной с подозрением, как и я за ними.

Небольшое окошко открылось легко, словно только и ждало возможности выпустить гордых хищников на волю. Вместе с ветром в комнатку, пахнущую пометом и подпорченным мясом, ворвались холодные дождевые капли. Под ногами скрипели недоеденные кости крыс, мышей и мелких птиц. Я старалась не смотреть на пол, чтобы не выbleвать пустой желудок.

– Летите. Отныне вы свободны. Живите вольно и помните Михеля, – прошептала я, зная, что моих слов беркуты не поймут. Они понимали только хозяина.

Уходила я с тоской на сердце. Напоследок обернулась, но птицы не улетали. Оставалось лишь надеяться, что воля поманит их прежде, чем в поместье ворвутся шавки Айдана.

Солдатский корпус кипел от гомона и топота, разбуженная прислуга помогала собирать провиант на ближайшие несколько дней. Много взять с собой мы не могли, но нужно было продержаться до Миреи. Там уж раздобудем продуктов в деревнях, которые попадутся по дороге.

Дождь лил не переставая. Небеса гневно обрушились на нас, но промедление было смерти подобно. Мы планировали покинуть поместье под покровом ночи, даже если копыта лошадей увязнут в грязи, как и наши ноги. Если план не удастся, будет большой бой, и никому из нас не избежать наказания за нападение на солдат империи. Но он удастся!

Вскоре все построились на плацу, навьюченные и готовые к бою. Четыре женщины из прислуги попросились с нами, и я не стала возражать. Если они оказались настолько преданы мне, что решили рискнуть собой и уйти следом, разве могла я растоптать их чувства? Среди тех, кто пошел за мной, я обнаружила Алию. Несмотря на пожилой возраст, она проворно собрала пожитки, раздала трем остальным женщинам солдатскую форму, дабы не выделяться из толпы, и взяла на себя командование сборами.

Я с благодарностью смотрела на управляющую, в то время как Маура ревниво фыркала, наблюдая беспрекословное подчинение солдат властной невысокой женщине с военной выправкой и зычным голосом. Остальной прислуге приказали не сопротивляться при допросе и рассказать солдатам правду, как опальная дочь покойного воеводы пробралась в поместье и увела за собой отряд. Я не желала, чтобы из-за меня пострадали люди, столько лет служившие мне верой и правдой.

Ночь неумолимо заканчивалась. Еще три часа, и рассветет. Пришла пора выдвигаться. Уже в последние минуты перед отправлением Ансар снял привратников с караула. Сказать, что четверо солдат удивились при виде меня и навьюченных вещами сослуживцев, значит ничего не сказать. Новый командир приказал ни о чем не спрашивать, отдал собранные мешки с их вещами и отрапортовал, что отряд готов следовать за мной.

Я кивнула Мауре, и спустя пару мгновений та растворилась в дождливой тьме. Мать незримой тенью метнулась к части каменного забора за солдатским корпусом. По ту сторону разросся густой колючий кустарник. Идеальное место для отвлекающего маневра.

Не теряя времени даром, Ансар повел людей в противоположную сторону. Я с замиранием сердца помогла Алие вскарабкаться на рыжего коня и успокаивающими движениями погладила его морду, с грустью вспомнив о Тайфуне. Как поступил с ним Айдан? Как отыгрался, выместив злость на жеребце, принадлежавшем ненавистной сестре? Словно услышав мои мысли, конь недовольно всхрапнул, но покорился твердым движениям всадницы и двинулся вперед.

Жмурясь от дождя и ветра, я поспешила во главу строя. За мной следовали Данир и Туган – тот смуглый парнишка с голубыми глазами, что пару часов назад преданно называл меня своим кааном. Несмотря на щуплое телосложение, он обладал мощным заклинательским талантом. Беркут нашел его еще подростком в подворотнях Даира и, обладая врожденной чуйкой на таланты, взял под крыло.

Когда отряд в кромешной тьме достиг той части каменной ограды, где мы запланировали сделать собственный выход, земля под ногами задрожала, словно под ней ползли и извивались разросшиеся змеи, не так давно штурмовавшие Вароссу. Издалека послышался грохот – рухнула нужная часть забора.

Легкий шорох слева возвестил, что Игла, окутанная тенью, с легкостью вспорхнула на вершину ограды. Никто из нас не сумел различить ее очертаний. Еще минута, и она так же едва слышно приземлилась рядом со мной.

– Путь свободен. Эти олухи рванули на шум, – прошептала она.

Я кивнула Даниру, и тот приступил к работе. Обладая даром резать все, к чему бы ни прикоснулся, сегодня он оказался незаменим, но камень – не бумага, и потому заклинательский талант Тугана пришелся весьма кстати. Парнишка закрыл глаза и положил руку на ограду. Под его ладонью замерцала магия, тут же свернувшаяся в искрящуюся змейку, и скользнула в трещины, которые паутиной расплзались под пальцами Данира. Змейка проникала в глубь камня, крошила и разрушала его. Трещины ширились, как будто их неслышно рубили топором.

Благодаря помощи двух ведьмаков и сгустившемуся воздуху Данир постепенно поднимался вверх. Наконец трещина достигла вершины каменной ограды. Еще пара минут, и справа, на расстоянии сажени, появилась вторая. Пружинистый воздух мягко опустил Данира на землю. Пришла очередь ведьмаков проделать такой нужный нам проход. Пока камни мягко и неслышно опускались на землю, Игла вновь перемахнула через ограду и покрыла тенью получившийся коридор.

Стоило нам закончить, как подоспела Маура. По колено утопающий в грязи отряд направился прочь от поместья к ближайшей узкой улочке, уходящей подальше от центральной площади.

Мы двигались, беспрестанно оглядываясь. Звук копыт скрывала каша под ногами и шум неистового ливня. Издалека слышались голоса солдат империи и их отрывистые выкрики.

Как и каждый из нас, я с трудом разбираю дорогу. Зыбкая мгла, в которой чудищами преисподней проступали очертания домов, сжимала удушающие объятия, словно помогая солдатам догнать наш отряд. Улицы сменяли друг друга, уводили нас от крупных имений к домам крестьян, где дороги расквасились еще сильнее. Мы вязли в грязи, лошади шли натужно и недовольно ржали, то и дело отряхиваясь от воды. Мы продвигались вперед медленно, но верно.

Непогода оказалась на руку, хоть и виделась мне карой небесной. Патрулей под ливневыми потоками не встретилось. Наверняка все предпочли отсидеться в теплых убежищах либо дежурить у моего поместья, повинаясь приказу коменданта, с радостью стервятника предвкушавшего мертвечинку. Меня то есть. Либо моих солдат.

Когда здания вокруг стали беднее, а за нашими спинами осталась вторая городская стена, я позволила себе вздохнуть спокойнее. Преодолеть бы всего одну стену, а там и ворота. Чтобы покинуть город, нам придется обезвредить привратников. В этом и заключался план. Он выглядел довольно шатким, но оказался на удивление ладным.

Торопливое чавканье, звук возни, а после отчаянный выкрик «Наместница!» заставили меня вздрогнуть и замереть. Отряд последовал моему примеру. Замыкавшие строй солдаты подтащили ко мне человека в промокшем бедном камзоле. Один из конвоиров зажег на руке небольшой огонек, осветивший белые, словно иней, волосы молодого мужчины и знакомое лицо. Это же белёсый паренек из моего поместья!

– Наместница, поторопитесь! Солдаты рыщут по улицам и спешат за вами! Я видел, как мой сосед Дир спешил к воротам! Он сдал вас! – тараторил рабочий, напряженно вглядываясь во тьму за нашими спинами.

Времени на размышления не осталось.

– Ансар, уводи всех. Прорывайтесь через ворота и спешите к лесу. Мы их задержим, – приказала я.

– Амаль Кахир... – начал новый командир, но властным жестом я остановила его.

– Со мной останутся только Игла, Маура, Данир и Туган. Еще мне понадобится пара ведьмаков, властвующих над воздухом. Мы устроим ищейкам достойную встречу.

Если бы не мелькающие вдалеке огни, Ансар продолжил бы спорить.

– Я прошу тебя, выведи остальных! – Схватив его за ворот плаща, я сжала в кулаке грубую ткань. – Мы проделали такой путь, чтобы спасти отряд. Так спаси их.

Ансар кивнул, покоряясь, и велел двигаться. Строй зашевелился и продолжил путь. Белёсый поспешил за ними, хоть и не взял с собой никакого скарба. Путь назад ему был отрезан. Хотелось надеяться, что дурные поверья, связанные с белесыми людьми, обойдут нас стороной. Не могла же я бросить его на произвол судьбы только из-за цвета кожи и волос!

– Если они идут по следу, мы должны выбить землю у них из-под ног, – произнесла я, многозначительно покосившись на Мауру. Мысли не путались и не скакали, присмиренные каплями, и почти мгновенно выстроились в четкий план.

– Я вырою им общую могилу. – Режущий без ножа голос матери добавил мне уверенности. – Игла, а ты эту могилу прикроешь миражом. Только, прошу, без огрехов, как это часто бывает.

Гаденько ухмыльнувшись, Игла поклонилась Мауре.

– Мы оставим вас здесь, а сами устроим обвал на пути к воротам, – сказала я и, дождавшись одобрения матери, вместе с четырьмя солдатами бросилась прочь.

Мы обеспечили себе тыл, осталось обеспечить отступление.

К воротам вела всего одна дорога, бравшая начало от первой городской стены. К ней стекались улицы и тропки, словно притоки реки, питавшие один-единственный тракт, который шел прочь из Вароссы и уводил на север, к Мирее. И этот тракт нам следовало перекрыть.

Я бежала, с трудом переставляя ноги, на которые налипла, казалось, вся грязь города роз, и едва различала дорогу. Под ступнями отдавалось эхо земной дрожи – это Маура готовила братскую могилу для солдат империи.

Холодные капли хлестали по мокрым щекам, затекали за шиворот, капали с повисших сосульками волос и застилали глаза. Трепещущие огни на первой городской стене казались далекими маяками в штормящем море, которое с коварной ненавистью затягивало нас на темное дно.

Издалека слышалось ржание лошадей. Вскоре мои солдаты достигнут ворот и, будь на то воля Творца, покинут город.

– Деревья! Рубите деревья! – приказала я.

Пусть здесь не росло старых и раскидистых исполинов, но если завалить дорогу невысокими деревьями, их лиственные кроны застопорят путь солдатам. Чтобы расчистить дорогу, понадобится драгоценное время.

Данир с Туганом, приносившись работать в паре, проворно перерезали стволы по обе стороны некогда красивой городской аллеи, а воздух, подвластный ведьмакам, плавно укладывал их одно на другое, образуя густой бурелом. Не прошло и четверти часа, как из подворотни вынырнули Игла с Маурой, запыхавшиеся от бега в расквашенной грязи.

– Бежим! Они разделились! Не все попали в нашу ловушку! – рявкнула Маура и, схватив меня в объятия, проворно перелетела гору стволы. Я восхитилась бы чувством короткого полета, если бы не насущные проблемы. Игла, подхваченная своими склизкими тенями, приземлилась рядом. Еще через пару мгновений ведьмаки перенесли через бурелом и Тугана с Даниром.

Заслышав приближающийся топот десятка лошадей и мужские крики, мы ринулись к выходу. Я задыхалась от усталости и ветра, но не сбавляла скорости. К городским воротам вела дорожка, вымощенная камнем, и ноги наконец обрели твердую опору. Домишки в окружении покосившихся сараев редели, оставляя Вароссу за нашими спинами.

Свобода приближалась, и робкое чувство надежды ширилось в груди, наполняя ее радостным ликованием. Армированная опускная решетка на воротах была поднята, а одна из тяжелых железных створок распахнута. В неясном свете трепещущих факелов, защищенных от дождя козырьками, я разглядела шестерых крепко связанных привратников. Кто-то заткнул им рты грязными черными тряпками. Солдаты мычали и перекачивались по земле, в отчаянии надеясь на помощь.

Пропустив вперед своих спутников, я склонилась к одному из поверженных привратников, похожему на дергающегося дождевого червя, и процедила:

– Вот это зрелище! Новый воевода так старался уничтожить мой отряд, даже отправил сюда своих псин, а меня саму вы с нетерпением поджидали здесь. Даже караул усилили. – Я с деланным сожалением поцокала языком. – Так вот же я, стою перед вами, а вы меня не ловите. Ну что ж, тогда я ухожу. Доброй ночи, господа.

С этими словами я бросилась следом за остальными. Только Маура осталась ждать в воротах и с осуждением покачала головой.

– Ты теряешь время, бестолочь! – рявкнула она и дернула меня за руку, увлекая прочь от трепещущего света – во тьму, упоительно пахнущую свободой.

– Они так усердно меня караулили, что я не могла не попрощаться! – выкрикнула я в ответ, стремясь перекричать дождь.

Мы неслись, утопая в степной грязи и продираясь сквозь заросли сухой травы. Сзади слышались крики и топот – солдаты растащили деревья. Оглянувшись, я увидела десятки всадников. Двое во главе строя держали в руках факелы. Остальные же... нацелили на нас луки!

Мы припустили со всех ног. Солдаты приближались, и нам в спины полетели стрелы, пущенные во тьме наугад. Шум ветра и дождя скрыл от меня их свист. Маура отстала, отчего я в недоумении обернулась, но получила лишь резкий ответ:

– Беги, дуреха! Я здесь!

Дыхания на слова мне не хватало, поэтому я молча последовала приказу и прибавила шаг. В горле и носу полыхало пламя, в бок словно вонзили раскаленный прут, а грязь пудовыми гирями налипла на сапоги. Короткий вскрик Мауры раздался громом, словно расколов небеса. Мать упала на колени и оперлась рукой о землю... из ее левого плеча торчала стрела.

Неясная тень мелькнула рядом, подхватив Мауру. Я проморгалась от воды, застилающей глаза, и рассмотрела Данира. Он бросился вперед, прижимая к себе мою мать, и я рванула следом. Стрелы летели мимо, два факельных огня, словно предвестники скорой смерти, нагоняли, но верхушки исполинских деревьев Нечистого леса высились уже совсем близко.

Еще минута, и мы исчезли в их тени. Солдаты остановились у кромки леса, а лошади протяжно заржали, гарцуя на месте.

– Амаль Кахир, выходите! У нас приказ доставить вам к коменданту! Вы же не останетесь в лесу навечно! – раздался звучный мужской голос.

– Простите, господа, но лучше уж я останусь жить с нечистью, чем позволю вам прикоснуться ко мне своими грязными руками! – усмирив дыхание, выкрикнула я в ответ.

– Вас ищет воевода! Он не желает вам зла, Амаль Кахир! – продолжал тот же голос.

– Если мой брат хочет найти меня, пусть сожжет весь этот лес, как сжег мой дом! Только так он выкурит меня отсюда!

Припечатав солдат правдой, в которую они наверняка не поверили, я рванула следом за своими спутниками. Еще несколько минут, и мы нагнали солдат, которые трусливо топтались среди деревьев, не решаясь углубляться в чащу.

Маура мужественно молчала на руках Данира, хоть и морщилась от боли. Ее побелевшее лицо казалось почти неживым в огнях, которые наконец отважились зажечь ведьмаки. Держась позади, мать прикрывала мою спину. Почему я не поняла этого сразу?

Благодарность затопила мою душу, словно ласковая волна прибоя. Облегчение, пришедшее на смену готовности к бою, позволило выдохнуть каждому из нас.

Я осторожно осмотрела место, куда вошла стрела. Та торчала из плеча, что не так уж страшно. Главное было не вынимать раньше времени, чтобы мать не истекла кровью. Требовалось скорее добраться до сердца леса и залечить рану. Не зря же с нами целительница и десяток пузырьков с отварами Гаяна.

Я приказала отряду двигаться следом и направились по знакомой дорожке в глубь леса, оставляя за спиной ополчившуюся на нас Вароссу. Лошади тревожно ржали, солдаты пугливо озирались, женщины охали и причитали, пока на них не цыкнула Алиа. Нечистый лес пугал всех, кроме нас с Маурой... и еще Иглы, которая с любопытством глазела по сторонам и даже улыбалась.

Ансар следовал по пятам, словно цепной пес, изредка покрикивая на солдат, чтобы не отставали. Он не решался обогнать меня, и дело тут было не только во внушаемом лесом страхе. Беркут всегда шел первым и никогда всерьез не признавал моего главенства. Что в семь лет, что в двадцать он оставался моим верным защитником, а защитники не держатся за спинами тех, кого берегут. Я никогда не несла бремя ответственности в одиночку. Мне, словно капризному ребенку, дозволялось бушевать и показывать мощь своей горячей крови, но чуть что, на подмогу приходил большой и сильный Михель.

Ансар, хоть и занял место Беркута, никогда не заменит его по-настоящему. Отныне я стала главой отряда. Вожак Беркутов. Михель сможет мною гордиться, а мерзавец Эрдэнэ больше не получит повода назвать меня слабой. Я сумела вывести своих людей из Вароссы, не потеряв ни одного человека. Неплохо для безвольной плаксы?

Нечисть, что пряталась за деревьями подальше от наших глаз, шуршала и настороженно перешептывалась. Подданным Шурале совершенно точно пришлось по нраву гости с набитыми до отказа вещевыми мешками, в которых непременно нашлось бы что-нибудь интересное, но наше с Маурой присутствие вынуждало ждать и не нападать. Не будь здесь нас, отряд уже оказался бы растерзан, как и лошади, которым особенно сильно не нравилось в столь гиблом месте.

Насквозь промокший походный плащ то и дело цеплялся за коряги и колючие кустарники, огоньки послушно плыли рядом, ограждая наш строй от враждебных обитателей здешних мест. Маура тихонько вздыхала на руках у Данира, а я старалась не смотреть в ее сторону и упрямо шагала вперед. Чем быстрее доберемся до сердца леса, тем быстрее Игла поможет ей. Моя мать не могла истечь кровью от раны в плечо. И зачем она рисковала собой?

Дорога до знакомой поляны с бревенчатым домиком Мауры заняла, по ощущениям, целую вечность. Злость уже всколыхнулась в груди. Это значило, что действие капель заканчивалось. Неужели, чем больше я к ним привыкну, тем слабее они будут действовать? Или все дело в том, что даже живительной настойке Мансура не под силу сдержать мою внутреннюю бурю?

– Хозяин! – протяжно застонала Маура. Она не потрудилась позвать его мысленно, значит, дело было плохо. – Хозяин, прошу, откликнитесь! Простите меня, что оставила вас надолго! Я вернулась!

Я бросилась к матери, которую по ее же просьбе Данир аккуратно, словно хрупкую вазу, опустил на теплую землю. В сердце леса никогда не бывало холодно, но мое промокшее тело все равно ходило ходуном от дрожи. Мокрая одежда липла к коже, а в сапогах чавкала вода, но мое внимание принадлежало лишь посеревшему лицу Мауры и окровавленной ладони, которой Данир поддерживал ее под спину.

– Смотрите! Там что-то светится! О, Творец, защити нас, обездоленных! – запричитала одна из служанок, но тут же подавилась словами от гневного оклика Алии.

К поляне и вправду приближался яркий свет. Я знала, что это блуждающие огоньки – верная свита Шурале, никогда не покидающая во тьме своего хозяина. Вскоре и сам он показался между деревьями. Его высокая человекоподобная фигура, покрытая серой шерстью, вокруг которой императорской мантией струились огоньки, вызвала всеобщий вздох ужаса. Замерла даже Игла. Сколько бы надменная стерва ни храбрилась, но остаться равнодушной при виде Шурале не сумела даже она.

Огоньки освещали уродливое морщинистое лицо хозяина леса, а его водянистые глаза без зрачков блуждали по толпе незваных гостей. Шурале приближался, приносиваясь и присматриваясь, но смешно замер, завидев свою зазнобу. Его ленивая походка вмиг ускорила, и хозяин леса склонился над Маурой, приподняв ее подбородок когтистым пальцем. Мать стояла на коленях, смело уставясь Шурале в глаза. Между ними шел мысленный разговор, и хозяин леса не злился. Но почему же видеть гордую Мауру стоящей на коленях стало невыносимо для меня?

Наконец Шурале тихонько коснулся пальцами стрелы, отчего по лицу матери пробежала рябь боли, и в моей голове раздался его скрипучий протяжный голос:

– Помогите матери. Вылечите ее. Никто не смеет нападать на нее. Я пошлю своих детей отомстить.

Я кивнула и так же мысленно обратилась к хозяину леса:

– Я благодарю вас, хозяин. Мы можем остаться на три дня под вашей защитой? На нас ведут охоту враги. Мы едва сумели сбежать.

– Маура уже все рассказала. Только благодаря ее мольбе я разрешаю вам задержаться, но возьму плату с каждого, – отрезал Шурале.

Я склонила голову в учтивом поклоне, сглотнув невольно подкатившую к горлу желчь. Что за плату возьмет с нас хозяин леса? Кровь, плоть или магию?

Из размышлений меня вырвал едва слышный звон колокольчиков, что с каждым мгновением удалялся в ту сторону, откуда мы явились в сердце леса. Туда же утекали многочисленные тени, мелькавшие меж деревьев изломанными фигурами, словно порожденными больным сознанием. Шурале отправил своих подданных мстить за Мауру. Нам же предстояло ее вылечить.

Я попросила Данира отнести мать в ее дом, сама же велела Игле следовать за нами. Та гордо фыркнула, но приказа не ослушалась.

Ансар и Алиа тем временем снаряжали в путь тех, кто помчится к горной гряде на границе Нарамы и Мирей, чтобы найти руины Меир-Каиль – крепости заката. На месте древ-

ней твердыни, построенной на сильнейшем сиире⁵, сама магия поможет коридору огня стоять крепко и надежно, чтобы переместить такое большое количество народа, и нам не понадобится много крови Мансура.

Скривившись и застонав от боли, Маура усилием воли создала сгусток пламени. Он проворно разлетелся на пять частей и зажег свечи в углах комнаты и на столе. Бухнув вещевой мешок на скамейку, Игла вытащила две настойки Гаяна и одну свою.

– Налей воды в кувшин и добавь туда по десять капель из каждого пузырька, – не удостоив меня взглядом, распорядилась Игла и вытащила из небольших ножен, крепящихся на предплечье, кинжал с необычайно тонким лезвием, и вправду похожим на иглу. Она всполохнула ткань рубахи от плеча и до пояса, обнажив спину Мауры и хрупкое левое плечо. Сочающаяся из раны кровь пропитывала одежду.

Я беспрекословно выполнила повеление Иглы, налив воду из большой бадьи в глиняный кувшин и добавив туда резко пахнущие травами настойки. Когда дело было сделано, ученица Мансура, почти не глядя, повела рукой, и огонь из свечи на столе разросся и устремился к кувшину. Когда тот достаточно нагрелся, я взяла одно из любовно вышитых матерью полотенце и подала все Игле.

– Придется резать. – Она выудила из нагрудного кармана еще один, совсем малюсенький, пузырек и протянула его Мауре. – Выпей, а потом ложись на живот.

Мать кивнула и послушно капнула в рот несколько капель. На ее лице блеснули бусины пота, а тело мелко дрожало, как будто по избе гулял морозный ветер. Мауру терзала боль от коварной стрелы. Что же дала ей Игла?

Страшная догадка пришла уже через пару-тройку минут, когда мать улеглась на живот и уставилась в стену бараньим взглядом.

– Что ты ей дала? – в страхе выдохнула я.

– Гордость Мансура – настойка от боли. Всегда ношу с собой пузырьки на случай ранения. Не дает случиться болевому шоку.

– Да это же обычный дурман, который пьют отбросы! – взвилась я. Догадка подтвердилась.

– Настойка Мансура ни в какое сравнение не идет с тем, что глотают в подворотнях, – усмехнулась Игла. – Без этих капель твоя мать могла бы умереть от болевого шока. Разве ты хочешь этого? Так что перестань пучить глаза и вылей полкувшина мне на руки – их нужно обеззаразить.

Скрипнув зубами, я выполнила просьбу. Маура дышала глубоко и ровно, значит, действия Иглы не принесут ей боли. Ученица Мансура насухо вытерла руки и снова скомандовала:

– Возьми нож и закали его над огнем, а после ополосни той же водой из кувшина и протри чистым полотенцем.

Когда Игла промыла рану, а после поднесла обеззараженный кинжал к коже, я дернулась, чтобы отвернуться, но заставила себя смотреть. Пусть Мансур доверял своей ученице, но ей не доверяла я.

Лезвие погрузилось в рану и аккуратно надрезало кожу так, чтобы вытащить коварно засевший в плоти наконечник. Он плохо крепился к древку, и потому Игла, ругаясь сквозь зубы, доставала его медленно и аккуратно, пока Маура подергивалась в полубреду от отголосков боли. Я цеплялась пальцами за столешницу, едва держась на скамейке, и дрожала всем телом. Капли Мансура уже перестали действовать, оставив меня лицом к лицу с собственным ужасом.

За окном рассвело, когда на пол со звоном упала окровавленная стрела, от древка которой тут же отскочил и задорно цокнул наконечник. Игла вытерла вышитым полотенцем испач-

---

⁵ Сиир – место силы, где грань между миром живых и духов необычайно тонка.

канные руки, безнадежно его испортив, и положила их прямо на сочащуюся кровью рану Мауры. Я собралась рывкнуть и одернуть ее, чтобы не смела делать матери больно, но чуть заметное свечение под ее ладонями вынудило захлопнуть открытый рот.

Глаза Иглы закатились, ее лицо серело так же быстро, как обретало цвет лицо Мауры. Кровь остановилась, а рана затягивалась.

– Лови меня, – только и успела буркнуть ученица Мансура, прежде чем кулем рухнуть на пол. Я ее не поймала, но кое-как усадила, прислонив спиной к кровати.

Игла напоминала покойницу, отчего в сердце тревожно ёкнуло воспоминание. Если лихормор отдаст слишком много сил, он умрет. Не слишком ли много отдала Игла? Не хватало еще сжигать ее мертвое тело в сердце леса под бдительным вниманием подданных Шурале.

Рана Мауры уже не выглядела столь устрашающе. Покопавшись в мешке Иглы, я выудила моток чистой материи и соорудила повязку на плечо матери, после чего достала из большого сундука мягкий бархатный халат, расшитый цветами. Кое-как у меня получилось набросить его на Мауру, чтобы никто из вошедших не увидел ее обнаженного тела, и даже запахнуть.

Осоловело уставясь на меня, мать блаженно улыбалась. Не удержавшись, я с отчаянием и невыносимым облегчением погладила Мауру по щеке и увидела, как опускаются ее веки. Если бы не промокшая одежда, сон сморил бы и меня, несмотря на медленно всходящее над кронами деревьев солнце.

Мы пережили страшную дождливую ночь. Пришел новый день. А мне бы только сбросить мокрые вещи и прикрыть глаза хоть на мгновение.

* * *

Кромешная мгла Нечистого леса обволакивала меня склизкими щупальцами, сотней холодных пальцев забиралась под кожу и тянулась к горячему сердцу. Я вздрагивала в полусне, завернутая в высохший походный плащ. На поляне расположились спящие солдаты. Женщины из прислуги ютились маленькой компанией в стороне от мужчин. Я тоже предпочла спать отдельно, но не согласилась лечь в домике Мауры. Там осталась Игла.

Тишина, какая бывала только в полнолуние, окутала поляну и погрузила ее в забытие. Я приоткрыла веки, взгляделась во тьму и невольно поежилась от страха. Что-то в этом лесу было не так. Костер, разоженный для связи с уехавшими всадниками, незаметно потух. Стало слишком тихо. Слишком пустынно. Никто не наблюдал из-за деревьев в надежде полакомиться человечинкой. Не шуршали лесные звери. Не шумел ветер в листве. Даже похрапывание солдат стихло, словно все они разом перестали дышать.

Я в страхе обернулась, но не смогла рассмотреть во мгле никого из них. Тьма Нечистого леса поглотила все вокруг. Едва слышное шуршание заставило вскочить на ноги и выхватить кинжал. Ко мне кто-то приближался, но тьма скрывала и его лицо, и фигуру.

– Здравствуй, сестренка, – столь ненавистный мне голос раздался близко... слишком близко, чтобы я сумела ускользнуть.

Холодные пальцы сомкнулись на моем запястье, до хруста сжимая его. Я пыталась кричать, но могла лишь выдохнуть воздух в тишине. Животный страх бился и скребся в груди, в ушах шумела кровь, отдаваясь толчками в виске. Она словно стремилась вырваться из тела и рублиновой змейкой ускользнуть во мглу.

Как этот ублюдок сумел отыскать меня? Как Шурале позволил ему войти в лес? Почему не убил?

– Думала, что скроешься от меня? – В голосе Айдана звучало ничем не прикрытое наслаждение. Он загнал меня в ловушку и ликовал. – Я найду тебя, где бы ты ни пряталась, в какую бы нору не залезла, грязная крыса.

Я дернулась в попытке высвободиться, но этим лишь раззадорила Айдана. Из горла по-прежнему не вырывалось ни звука. Мы вдруг остались одни во всем этом бесовом лесу.

– Без своего огня ты – обычная девка, с которой я волен делать все, что пожелаю. – Сальные слова нового воеводы послышались над самым ухом, невольно отправляя меня почти на семь лет назад. В ночь моего первого убийства Айдан с таким же удовольствием шептал мне на ухо мерзости и угрозы.

«Никто никогда не возьмет тебя по собственной воле, но по моей просьбе каждый из них готов был помочь тебе. А ты, вонючая байстрючка, сожгла Алхана! Неужто возомнила себя палачом благородных господ, жалкая тварь?!»

В те страшные минуты его дыхание обжигало кожу, а слова – душу. Это же повторялось и сейчас.

Пальцы Айдана сомкнулись на моей шее, сдавливая и сдавливая. Еще немного, и она сломалась бы, как высохший прут. Я брыкалась, словно обезумевшая, но Айдан держал крепко, будто не был человеком из плоти и крови. Наконец он зарычал и с силой швырнул меня на землю. В голове от удара зазвонили колокола, и я совершенно потерялась, не в силах понять, где земля, а где небо.

Айдан навалился сверху, и я вдруг ощутила, как по шее расплзается боль. Лезвие тоньше травинки неторопливо двигалось к ключице, разрезая кожу. Я чувствовала, как стекает из раны горячая кровь, но все так же не могла издать и звука. Тело оцепенело, не в силах вырваться и брыкаться. Все тем же кинжалом Айдан вспорол на мне рубашку вместе с кожей. Боль скрутила меня крепче любых пут. Я истекала кровью, задыхаясь от собственной беспомощности, но не могла даже позвать на помощь. Айдан упивался властью надо мной, не страшась ни солдат, ни нечисти леса, ни самого Шурале. Вокруг не осталось никого, кто мог бы защитить меня от страшнейшего зверя в этих местах. От моего собственного брата.

– Разве может это уродливое тело кому-то прийти по вкусу? – с сомнением протянул Айдан, выписывая лезвием узоры на моем животе. – Насколько же сильно так называемые друзья хотели мне угодить, что готовы были поиметь это убожество? Боюсь, после этого ни одна женщина не смогла бы избавить их от кошмарных воспоминаний.

Я молила Творца о том, чтобы впасть в забытье. Молила позволить мне потерять сознание и тихонько умереть, раз уж у меня отобрали возможность бороться.

– Эй, тебе тоже противно смотреть на нее? – С этими словами Айдан грубо сорвал с моих плеч рубаху, до пояса обнажив изрезанное тело. Глаза застилала боль и ужас, во мне не осталось места для стыда.

– Противно, но мне приходилось ее еще и трогать. – Этот голос пробился ко мне словно сквозь толщу воды. Я узнала его в одно мгновение, но дикая надежда, вспыхнувшая вдруг в груди, погасла, стоило вдуматься в слова. Предатель заодно с Айданом? Они убьют меня вместе?

– Иди-ка сюда. Всади нож ей в живот. Кажется, из-за нее тебя ранили туда же.

Потерявшись в агонии, я с трудом различала голоса, но смысл сказанного дошел до меня на удивление четко.

Еще минута, и в мой живот вошло холодное лезвие. Предатель вогнал кинжал и не спешил вытаскивать. Он пригвоздил меня к земле и наверняка наслаждался этим.

– Такой она мне нравится больше – полудохлой, – добавил выродок и сплюнул прямо мне в лицо.

– Прошу... убей... меня... – С моих искусанных губ наконец-то сорвался едва различимый шепот.

– Нет, это слишком просто, – раздался голос предателя у меня в голове и как-то совсем незаметно превратился в голос... Шурале! – Я буду брать плату каждую ночь, пока вы гостите в моих владениях. Готовься умирать столько раз, сколько будешь засыпать.

Я распахнула глаза, кашляя и задыхаясь. В животе, казалось, все еще чувствовались отголоски боли и холода. Рядом плакали женщины и ругались мужчины. Посреди поляны плясал языками пламени большой костер, отгоняя ужас сонных мучений. Несколько солдат бродили между спящими товарищами и трясли их в стремлении разбудить, но те не просыпались. Каждый видел собственный кошмар, насланный Шурале в уплату за гостеприимство. Хозяин леса питался нашими страхами и болью, наслаждался и упивался ими.

Рука метнулась к потайному карману на груди и выудила пузырек с настойкой Мансура. Несколько капель на языке сулили скорое спокойствие, но пока что все тело дрожало, словно я спала не на теплой поляне, а на промерзшей от мороза земле.

Осталось две ночи. Если всадники доберутся до Меир-Каиля позже, я попросту сойду с ума. Как и все остальные.

Глава 5. Демоны и Беркуты

Амаль

Я сонно вглядывалась в причудливые огненные узоры и дула на дымящийся отвар, пахший травами и ягодами. Побег под проливным дождем не прошел бесследно ни для меня, ни для половины отряда. Надсадный кашель поселился в нашем временном лагере, как и ломота в теле, и текущие носы. Игла показала свой талант травницы, сварив исцеляющий отвар. Я точно знала, что в вещевом мешке ученицы Мансура покоилась настойка Гаяна от простуды, но, по ее словам, снадобья варосского лекаря было слишком мало, чтобы напоить пятнадцать человек, значит, поднимать нас на ноги требовалось по-другому.

Я с завистью наблюдала, как Игла колдовала над отваром, и жалела, что прошедшие шесть лет стерли из моей памяти почти все рецепты, которым учила меня в детстве Маура. Мать растила меня ведьмой, а получился волхат, полагающийся лишь на свое пламя. Владеть им меня тоже научила Маура. Без ее науки однажды я попросту сожгла бы себя.

Веки уже давно потяжелели и предательски закрывались, но я то и дело трясла головой, отгоняя сон. Где-то на краю поляны в который раз мелькала фигура Душечки, но та скромничала и не подходила. Наверное, боялась людей. Я сонно улыбнулась ей, зная, что дочь Шурале прекрасно меня видит.

Кто-то уже в третий раз сдался усталости, отправившись в объятия кошмаров, кто-то, как и я, старательно бодрился. Два человека неторопливо доедали поздний ужин из запеченной в костре картошки и вареной репы, несколько солдат дули на дымящийся отвар от простуды. Игла рядом клевала носом, но засыпать не решалась. Только Маура безмятежно спала на своей кровати – с нее хозяин леса плату не брал.

Вчера Игла окончательно исцелила рану матери, после чего неохотно призналась, что дар целительства отнимает огромное количество сил и опустошает куда быстрее, чем любой другой.

– Именно поэтому я лечу травами, – сказала она. – Если надеешься, что я буду тратить силы на каждую твою царапинку, то выброси это из головы. Уповай на настойки своего целителя и на мой талант травницы, но не на магию.

Я громко фыркнула, показывая, что от Иглы мне ничего никогда не понадобится, и больше не сказала ей ни слова, как и она мне. Даже сейчас, полусонная, она в гробовом молчании вручила мне кружку отвара, уселась рядом и продолжила делать вид, будто меня не существует.

Впереди была последняя ночь в Нечистом лесу и последняя плата Шурале. Я надеялась переждать бесконечно долгие часы, погруженные во мглу, но понимала, что не сумею. Вчера тоже не смогла, и Айдан всю ночь отрезал кусочки от моего тела. Сон прервался с первыми лучами солнца. После я вновь глотала капли с остервенением путника, наткнувшегося на источник в пустыне. Только бы завтра солдаты отыскали крепость Меир-Каиль, иначе я сдохну во время очередной пытки!

Игла уже заснула, свернувшись клубочком, и подрагивала во сне. Прошлой ночью, запутавшись в собственном кошмаре, она кричала и хрипела, словно раз за разом мучительно умирала. Это мне поведала Алия.

Уставясь на напряженное лицо Иглы, я и сама не заметила, как погрузилась во мглу. Вскоре она прояснилась, явив мне каморку в подвале корпуса навиров. Ту самую, где меня совсем недавно держали. И там ждал он, облаченный в ненавистный зеленый мундир с красным воротом. Аккуратно пострижен, гладко выбрит, слишком холеный и оттого слишком мерзкий. Руки, затянутые в белые парадные перчатки, сжимали особый кинжал. Предатель смотрел цепко, словно хищная птица, и его губы, когда-то с упоением целовавшие меня, кривились в глумливой ухмылке.

Поигрывая кинжалом, он сделал шаг навстречу, еще шаг и еще. Я пятилась, пока не уперлась спиной в стену. Ужас и злость перемешались, взорвавшись перед глазами, когда его пальцы сжали мое левое запястье, а после пригвоздили к стене кинжалом. Я зашлась в неслышном вопле, но предатель зажал мне рот ладонью в окровавленной белой перчатке. Пара мгновений, и мое правое запястье проткнул второй кинжал. Боль разнеслась по телу, заплясала языками колдовского пламени. Особый металл разрывал рану, причинял страдания, которые заставляли меня молить о смерти.

– Неужели я вам не нравлюсь, Амаль Кахир? – прошептал подонок мне на ухо и вдруг прильнул губами к моим губам. Я хотела укусить его, вцепиться намертво и разорвать его плоть, словно бешеный пес, но не могла – рот не размыкался, будто кто-то сшил его крепкой нитью.

Обжигающая пощечина обрушилась на меня, но не могла сравниться с болью, доставляемой особыми кинжалами.

– Не хочешь меня целовать?! Я тебе противен?! Ты тоже противна мне до рвоты!

С этими словами ублюдок вновь прильнул к моим губам, но, не дождавшись ответа, схватил меня за волосы и ударил головой о стену. Разноцветные всполохи заплясали перед глазами, почти закрыв от моего взора ненавистное лицо. Пусть он вырвет мне глаза, чтобы я больше никогда не смогла смотреть на него!

– Несговорчивая? Неужели не хочешь спасти его?

С этими словами окровавленная рука предателя развернула мою голову вправо, и я узрела распятого на стене Беркута, чье безвольное тело истекало кровью. Он хрипел и стонал от боли, а по щекам текли дорожки слез. Моя душа рвалась к Михелю, но тело не шевелилось, а губы не размыкались для крика.

– Попробуем снова? – Я не пошевелилась. – Нет? Так тому и быть.

С этими словами предатель вынул из ножен меч и сделал несколько шагов к Беркуту. Еще миг, и голова Михеля покатила по полу прямо к моим ногам. Обезглавленное тело обвисло на стене, все еще удерживаемое кинжалами навиров.

Позвольте мне умереть! Михель! Позвольте мне убить этого ублюдка!

– Неужели тебя не взволновала эта картина?

Рука, только что обезглавившая Беркута, схватила мой подбородок и заставила поднять голову. Глаза цвета дерьма взирали на меня с насмешкой и звериной жестокостью, а губы кривились в том же надменном изломе.

– Покажи мне, как сильно хочешь жить. Мое решение будет зависеть от того, как ты постарайся. Если же нет, то твоя голова покатится следом.

– Руби... – прохрипела я, приложив последние силы, что сохранились в моем измученном окровавленном теле.

Улыбка предателя стала шире. Он поднял меч, замахнулся и...

Я с криком очнулась, едва не скатившись в костер. Все вокруг спали, но кто-то нежно коснулся моих волос. Я с воплем обернулась. Передо мной на коленях сидела Маура, и на лице ее читалось искреннее сожаление.

– Не кричи. Ты проснулась. Это просто сон, – приговаривала она, продолжая гладить меня по волосам.

Я тряхнула головой, сбрасывая ее ладонь, и закашлялась. В горле ощущалась желчь, а на губах до сих пор чувствовался поцелуй ублюдка. Перед внутренним взором застыла голова Михеля... и моя собственная, уже готовая отделиться от плеч...

– Шесть лет назад Шурале брал с меня такую же плату. Каждую ночь я видела страшные видения, в которых умирали то ты, то Мансур, то я, то мы вместе. Это продолжалось несколько недель, пока хозяин не сжалился надо мной, – призналась Маура. – Наши страхи подпитывают его лучше любой другой еды. Когда он наедается, то даже слегка толстеет.

– Ты никогда не рассказывала мне об этом, – пробормотала я.

– Тебе было всего четырнадцать. На твои плечи свалилось управление городом и противостояние совету. Разыгранная смерть и жизнь в Нечистом лесу – мой собственный выбор, и ничей больше. Я не могла возложить на тебя еще и свои проблемы.

– Зато возложила бремя внебрачной дочери воеводы, – процедила я и вновь тряхнула головой в попытке прогнать образ предателя и отголоски боли в запястьях. Пожалуй, только во сне кинжалы могли быть остры настолько, что проткнули стену.

– Я желала и желаю тебе лучшей доли, чем у тебя была бы, не приворожи я Кахира и не обмани его. Всю свою жизнь ты провела как дочь воеводы, правила городом и имела власть. Ты и сейчас остаешься его признанным ребенком, несмотря на то что знаешь правду. Разве это так плохо?

– Меня пытались убить оба моих брата. Думаю, это плохо, – фыркнула я.

– Я не могла рассказать раньше. Мне известен твой вспыльчивый нрав, доставшийся по наследству от Мансура. Разве сохранила бы ты эту тайну? Разве продолжила бы притворяться дочерью Кахира? Даже ненавидя Айдана, ты не желала зла Арлану, пока этот тихоня не убил отца, Беркута и едва не убил тебя. Расскажи я правду, ты бы никогда не помыслила о собственном праве на власть над Нарамом.

Я угрюмо покачала головой, с горечью понимая, что Маура права. Поведай она истину раньше, и мне не хватило бы наглости продолжать выдавать себя за дочь воеводы. Еще пару месяцев назад я бы повинулась перед отцом, мысленно признала победу Айдана и даже поняла бы его ненависть. Сейчас же... он сжег мой дом и моих солдат, Арлан убил Михеля и едва не отправил к Творцу меня саму. Никто из «братьев» не заслужил моей вины. Я была законной дочерью воеводы! Я имела право на власть! И собиралась добиться ее хотя бы в награду за свои страдания.

– Разве ты не испытывала чувство вины перед воеводой и его семьей? Мы вторглись в их жизнь, сделав несчастными всех. И себя, в том числе, – с сомнением поинтересовалась я.

– Все эти годы мне было не до вины, ведь я жила ради того, чтобы возвысить тебя. Да, я разрушила семью Кахира и всучила ему своего ребенка, но ты – моя единственная дочь, а его дети, жена, да и он сам – люди, на которых мне плевать! Мне на всех плевать, кроме тебя и Мансура. Вы – то, ради чего я живу. И я готова убить каждого, кто попробует вас у меня отобрать!

Я вспомнила посеревшее лицо матери и стрелу, торчащую из плеча. Она прикрыла меня своим телом, только бы сберечь единственного ребенка. Они с Мансуром видели во мне надежду, посланную Творцом. Как бы мы ни были далеки с матерью, теперь мы оказались ближе, чем когда-либо. Я наконец разгадала подоплеку каждого из ее слов и поступков. Поняла, ужаснулась и восхитилась. Все это она терпела и делала ради меня. Ради моего величия.

Моя рука скользнула к руке Мауры, и наши пальцы переплелись, делясь теплом. По щеке матери скользнула слезинка, едва различимая в освещенной костром предрассветной серости. Поддавшись волне благодарности и нежности, так плохо мне знакомой, я обняла ее и уткнулась носом в плотную ткань дорожного плаща, пахнущего сыростью и тиной из-за речной воды, в которой мы стирали вещи.

В носу защипало, и я потянулась к потайному карману в поисках капель. Однако Маура мягко остановила меня.

– Учись самостоятельно справляться с горем. Я не поддерживаю Мансура в том, что он дал тебе эти капли с собой. К ним слишком быстро привыкаешь.

Я послушно убрала руку и опустила голову на плечо матери. Она едва ощутимо погладила меня по лохматой макушке и с тяжелым вздохом произнесла:

– Я долго мечтала о мгновении, когда ты обнимешь меня, но не могла и представить, что оно настанет посреди пучины горя, в которой мы оказались.

Я промолчала, отвлекшись на зашевелившуюся рядом Иглу. Распахнув заплаканные глаза и с остервенением вытирая их, она грязно выругалась.

– Если эти медлительные идиоты не откроют коридор сегодня же, я пойду к ним пешком. И когда догоню, убью всех до единого, – бормотала она, с ненавистью глядя на свои мокрые ладони, но после подняла голову и заметила нас с Маурой. – Какие нежности.

Я отодвинулась от матери и направилась к котелку, в котором мы кипятили воду. Пришла пора заварить еще отвара.

Утро, начавшееся с первыми лучами солнца, перетекло в теплый день и вместе с солнцем скатилось к закату. Костер вел себя как подобает и ничем не выдавал магии, которой мы ждали. Чем темнее становилось на поляне, тем меньше воодушевления оставалось в каждом из нас. Игла непрестанно ругалась, как и большинство солдат, за нерасторопность костеривших своих братьев последними словами.

В тайне от Мауры я все же приняла капли и наконец-то обрела блаженное спокойствие. Стоило им подействовать, как костер затрепал и разгорелся, словно в него плеснули горючую смесь.

Мы все сгрудились вокруг огня. Еще минута, и из глубин взбесившейся стихии показалась мужская фигура. Солдат по имени Наим с кряхтением вывалился из костра, но быстро вскочил на ноги. Он выглядел усталым, изумленным и взъерошенным, но довольным. По широкому лицу солдата стекали градины пота, которые он усердно вытирал тыльной стороной ладони.

– Вот это путешествие! Теперь в этой жизни я попробовал все! – ошарашенно выдохнул он, перебегая взглядом с одного лица на другое.

Ансар вышел к Наиму и приветственно похлопал его по плечу.

– Вы нашли Меир-Каиль? – спросил он.

– Знал бы ты, чего нам это стоило. Пришлось драться с десятком разбойников.

– Драться или убежать? – фыркнул Ансар.

– Ты за кого нас принимаешь, командир? Мы их разбили и даже разжились оружием. Бедолагам оно уже ни к чему.

Ансар хохотнул, его поддержали несколько солдат.

– А мы уж думали, что вы, олухи, заблудились по дороге. Ну или звери вас сожрали.

– Или нагнали солдаты, – добавила я, и Ансар тут же почтительно замолчал.

– Думаю, мы здорово обогнали погоню. Наверняка имперская солдатня долго думала, что мы сидим в лесу. Ну или нас сожрала нечисть.

– Узнать бы, сожрала ли она кого-нибудь из них, – буркнула Игла, коварно усмехнувшись. Меня этот вопрос тоже мучил, но ответа на него мы так и не получили – Шурале больше не появлялся на поляне.

– Меньше болтайте. Пора выдвигаться. Я тоже засиделась, – поторопила нас Маура. – Мне нужно уйти, пока не вернулся хозяин. Боюсь, если не успею, он меня не отпустит.

Здесь наши с ней пути расходились. Мы собирались в Адрам, а Маура – обратно, в пещеру. Для всего мира она все еще оставалась мертва.

За пару минут мы вновь собрали мешки, надели теплые походные плащи и выстроились у костра. Я обняла Мауру напоследок, услышав тихое «*Télé céfár*», и шагнула в костер. Что же значили слова матери и Мансура? Оба так напутствовали меня в дорогу. Похоже, желали счастливого пути.

Огненный коридор принял меня в жаркие объятия, всколыхнув приглушенные настойкой Мансура воспоминания о кладбище и выгоревшем дотла Зеленом особняке. Я тряхнула головой и упрямо зашагала дальше. За мной по пятам следовала Игла, за ее спиной тянулась вереница солдат, среди которых мелькала белоснежная макушка Гарая.

Огненный коридор питал меня своей магией, окрылял и вселял ощущение могущества. Магия огня Мансура тянулась к моей. В нас обоих текла кровь волхатов, и в эти минуты я как никогда чувствовала крепкую связь с предками.

Коридор тянулся и тянулся, будучи таким же длинным, как тот, что вел нас с вершины горы до Вароссы. Наконец впереди показалась темная точка, постепенно расширявшаяся до костра, языки которого рвались к полуразрушенному каменному своду. Я вывалилась из огня, мысленно гадая, когда же научусь делать это грациозно, как Маура.

Стоило отползти подальше, как на пол, покрытый каменной крошкой, шагнула Игла. За ней вываливались солдаты, ругаясь и по-белоярски, и по-старонарамски. По сравнению с ними я смотрелась не такой уж неуклюжей. Когда все, включая женщин из прислуги, оказались в безопасности, мы пересчитались и осмотрелись.

Древняя крепость Меир-Каиль впечатляла. Во времена расцвета Нарам, возвышаясь на горном плато Алаг-Дан, она служила границей между властелином и его рабами... вернее, колониями. Ее охраняли горные духи-защитники, весьма охотно обитавшие возле мощного сиира. Меир-Каиль стала первой в череде побед Белоярской империи, пав вместе с защищавшими Нарам воинами. Наполовину разбитая, она так и осталась одиноко возвышаться остовом бывшего величия посреди безучастных гор. Годы разрушали ее, и забредали сюда разве что те, кто стремился отыскать сиир, о котором мало кому известно.

Нас окружали полуобвалившиеся стены из белого камня, в которых еще сохранились узкие стрельчатые окна и кое-где остались колонны и своды. Стоило мне отойти чуть дальше, и крыша над головой закончилась. Светлые стены, изъеденные безжалостным временем, стремились в затянутое тучами небо. Ни одной звезды не светило над головой, но на закате отсюда наверняка открывался чудесный вид. Недаром цитадель получила название Меир-Каиль – крепость заката.

Магия, пульсирующая в каждом клочке земли, даже сквозь толстую подошву сапог отдавалась в ступни едва заметными перекатами волн, а тело улавливало тепло даже под дуновением осеннего ветра. К утру мы наберемся сил от сиира и с первыми лучами солнца выдвинемся дальше. До Адрама около десяти дней пути. Верхом мы добрались бы быстрее, но пешком без привалов далеко не уйдешь.

Неподалеку слышалось лошадиное ржание и плеск воды. Прежде чем расположиться на развалинах древней цитадели, я обернулась на солдат и улыбнулась, гордая собой и всеми нами.

Мы сумели выбраться из Нарама, чтобы однажды вернуться туда победителями с Аждархой за спинами. И тогда Айдан не устоит. Его власть рухнет, а там, быть может, и власть Белоярской империи.

* * *

Босыми ногами я ступала по хрупкому, тонкому слою снега, оставляя черные следы. Белый покров таял под горячей кожей, но я не ощущала холода. Душу терзало тягучее, душащее чувство неизбежности. Оно давило на плечи, костлявыми пальцами сжимало грудь и нашептывало, что я не смогу... сама же утопну.

Покрасневшими от холода пальцами я сжимала черную перчатку и дрожала, ведь теплый камзол остался сиротливо лежать на снегу.

Шаг, еще шаг и еще. Босые ноги потихоньку погружались в обманчиво спокойную речную воду, а едва слышный звон звучал громче и громче. Течение казалось медленным, почти невидимым глазу. Вскоре оно поглотит меня, как множество незадачливых ведьм до этого. Куда я полезла? Это – высшая материя, доступная таким светилам, как моя мать, но уж никак не мне – полуволхату-полуведьме, которая не может повелевать ничем, кроме огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.